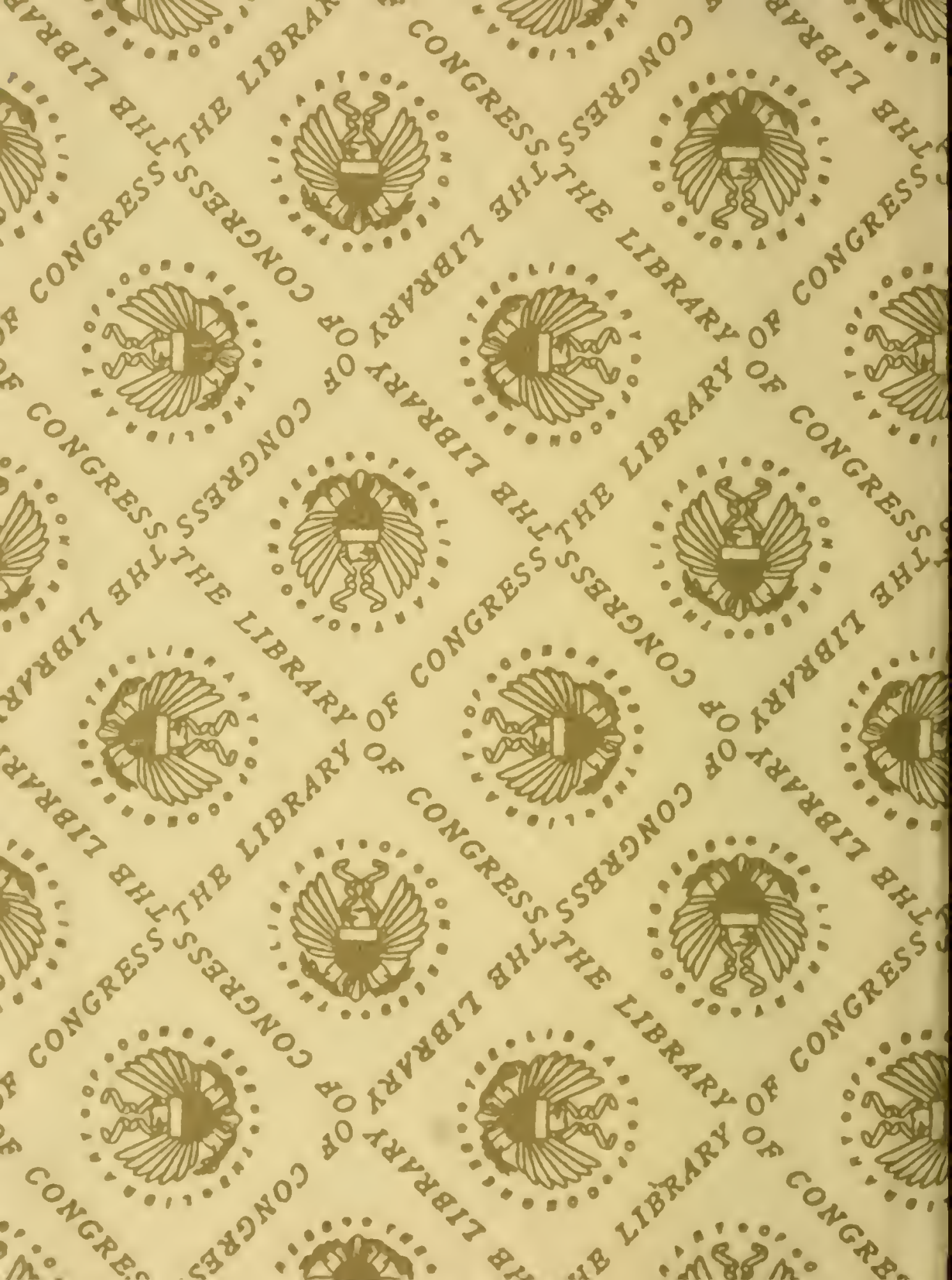
PG 3226
.M64

1836

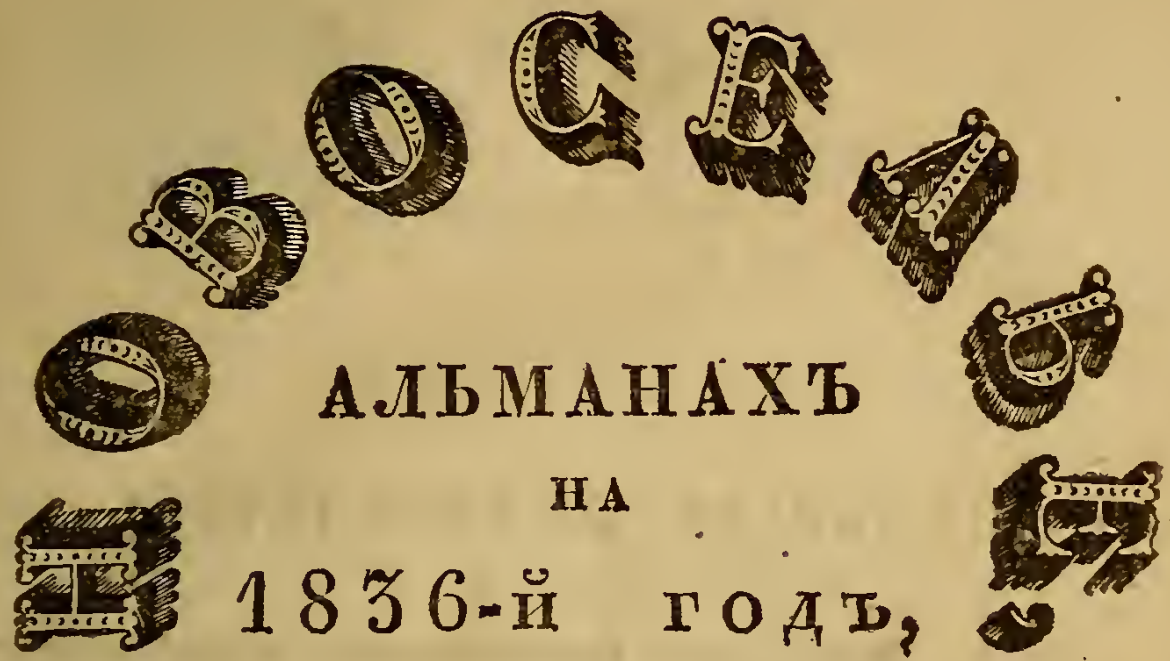

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

МОЕ
НОВОСЕЛЬЕ.

MOE NOVOSEL'E.

МОЕ



АЛЬМАНАХЪ

НА

1836-й ГОДЪ,

ИЗДАННЫЙ

В. Крыловскимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Издателя.
1836.

PG3226
.M64
1836

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Ноября 19 дня 1835 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

90-21440

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА:

Стр.

Грена, Александра Евгеніевича:

Лейпцигская битва (Изъ записокъ стараго солдата). . . . 3.
Два письма изъ Финляндіи . . 57.
Кладбище. (Истинное произш.) . 106.
Три случая моей жизни. (Аллегорія) 126.

Крыловскаго, Василія Константиновича:

Добрая дочь или черты изъ семейной жизни. (Истинное) . . . 135.

Куруты, Николая Ивановича:

Ужасное свиданіе. (Анекдотъ). . 182.

С — ва, А. П.:

Байкалъ . . . . . 193.

Стр.

Щ — ва, В. З.:

Ограниченное желаніе . . . . . 23.
Домовой. (Повѣсть) . . . . . 27.
Гусь однопогой. (Анекдотъ) . . 97.
Ручеекъ . . . . . 121.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Варкасова, Александра Николаевича:

Г — ну . . . . . 104.
Пустыня . . . . . 175.

Грена, Алекс. Евгеніев.:

Чувства юноши при видѣ памятника Императору Александру благословенному . . . . . 1.
Звѣзда. (Аллегорія) . . . . . 56.
Изъ Гейера . . . . . 120.
Сухачеву . . . . . 189.

Грена, Николая Евгеніевича:

Мои мечты . . . . . 25.
Къ *** . . . . . 203.

Стр.

Левицкаго, Аполлона Максимовича:

Грену . . . . . 54.

Звѣзда . . . . . 180.

Лоренца, Александра Андрѣевича:

Мечты на берегахъ Чернаго моря 101.

Чумаки . . . . . 129.

П — го, Александра Николаевича:

Въ память Веневитинову . . . 115.

Пономарева, N. N.:

Къ Другу . . . . . 202.

С — го, И. П.:

Осень . . . . . 48.

Курица и Утка, (Басня) . . 52.

Бальныя друзья . . . . . 91.

Къ сослуживцамъ . . . . . 93.

Женскія слезы . . . . . 118.

Къ Ш. . . . . 123.

Эпиграмма . . . . . 125.

Стр.

С — го, П. П.:

Размолвка . . . . . 130.

Къ N. N. . . . . 177.

Слеза . . . . . 186.

Экспромтъ . . . . . 188.

Невозможность счастія . . . 192.

Къ *** . . . . . 205.

Ш — го, А. Т.:

Смерть Бориса Ростовскаго, (Историческое преданіе) . . 14.

ЧУВСТВА ЮНОШИ

при видѣ памятника

Императору Александру

Благословенному.

Невецъ, опершись о гранитъ,
Смотрѣлъ я съ чувствомъ вдохновенья
На твой величественный видъ
Колоссъ — вселенной удивленье!

Ты блескомъ царственнымъ своимъ
Меня невольно поражаешь,
И чѣмъ-то радостнымъ, святымъ,
Младое сердце наполняешь.
Моимъ представилось очамъ:
Лучами озлащенный Феба,
Парящій, мнится, къ небесамъ
Благословенный Ангелъ неба!
Держа въ рукахъ символъ святой,
Ты съ высоты на насъ взираешь;
Самодержавною рукой
Святую Русь благословляешь.
Ты нашъ! въ тебѣ я узнаю
Царя — спасителя вселенной!
И Царскимъ ликомъ восхищенный,
Какъ очарованный спою.

А. Гренъ.

С.-Петербургъ,
30-го Августа 1835 года.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ БИТВА.

(Изъ записокъ стараго солдата).

Посвящено подполковнику П. В. Курепанову.

Въ долгія зимнія ночи, сидя у огня, я съ какимъ-то особеннымъ восхищеніемъ вспоминаю о знаменитой Лейпцигской битвѣ. Сколько величественныхъ, поразительныхъ сценъ.

было тамъ.... О день великій! день вѣчно памятный для спараго солдата! Мнѣ кажется, что я и теперь вижу землю, покрытую разбросанными пушками, разбитыми пороховыми ящиками, трупами и умирающими.

Посмотрите: вотъ здѣсь картина пылаютъ древніе замки, загородные дома и хижины бѣдныхъ. Пожаръ! пожаръ! зачѣмъ ты коснулся пріюта убогихъ? Пощади эти горестныя развалины, гдѣ добродѣтельный бѣднякъ имѣлъ себѣ единственное убѣжище!

Скажите: отъ чего происходитъ, что человѣкъ въ дни мира и спокойствія, находясь при послѣднихъ ступеняхъ къ гробу, чаще вспоминаетъ о мгновеніяхъ жизни горестныхъ, нежели о золотыхъ и пріятныхъ дняхъ юности? — Скажите: отъ чего мать любитъ болѣе то дитя, которое въ младенчествѣ было слабѣе другихъ, и у колыбели котораго она провела такъ много горькихъ и безсонныхъ ночей?

Вопросы сіи пусть разрѣшатъ другіе, а не я. Мнѣ, старому солдату, простительно остаться въ молчаніи: ибо я въ тѣ лѣта, когда

должно бы сидѣть за книгами въ классѣ, учился уже работать шпагою въ полѣ, гдѣ предстояла каждому солдату одна наука: *умереть со славою.*

Лейпцигъ! я помню тебя, городокъ счастливый и веселый. Я помню твою богатую торговлю, цвѣтущія твои окрестности, гдѣ я любилъ въ мечтахъ бродить по красивымъ твоимъ улицамъ и вспоминать юныхъ и милыхъ твоихъ обитательницъ.

Нынѣ, когда ты спокойно дремлешь, помнишь ли ты тотъ ужасный день, когда вокругъ тебя раздавался громъ болѣе четырехъ сотъ

Французскихъ пушекъ, чтобы не допустить союзныхъ Монарховъ къ твоимъ мирнымъ стѣнамъ.

Я помню этотъ день, какъ помнятъ все ужасное и величественное въ мірѣ; не стану стратегически описывать движеній и передвиженій, натисковъ и отступовъ той и другой арміи, скажу только, что битва была ужасная: въ шести батальонахъ моего корпуса и перваго полка Морской артиллеріи, стоявшихъ въ грозномъ боевомъ порядкѣ вдоль по Дубенской дорогѣ, въ нѣсколько часовъ осталось въ живыхъ не болѣе ста солдатъ и два — три офицера; прочіе

были убиты, или взяты въ плѣнъ. Товарищи! миръ праху вашему! — Въ дни мира вы были добрые друзья мои, а въ дни брани храбрые солданы.

На другой день, $\frac{5}{17}$ числа, войска непріяпельскія и наши опидыхали, утомленныя кровопролипіемъ.

$\frac{6}{18}$ числа происходило то большое сраженіе, въ которомъ *Наполеонъ* показалъ весь свой геній, но гдѣ слава не увѣнчала лавровымъ вѣнкомъ прежняго своего любимца.

Я сравниваю Лейпцигскую битву съ величайшимъ зданіемъ, которое споя нѣсколько вѣковъ въ твердомъ основаніи своемъ, борется со все-

сокрушающимъ временемъ — но мало по малу уступая напору силы, падаетъ наконецъ съ шумомъ и трескомъ.

Нашъ полкъ почти совершенно испребленъ и присоединенъ къ другой бригадѣ. Это присоединеніе произвело почти такое же дѣйствіе, какъ присоединеніе нѣсколькихъ сантимовъ къ бюджету.

Быстро мы сдѣлали нападеніе на прелестное, образцовое селеніе Шенфельдъ. Съ какою горестію я вспоминаю скромную колокольню его, содѣлавшуюся жертвою пламени.

На этомъ самомъ мѣстѣ генералы *Фридрихъ* и *Когорнъ* были убиты,

а генералъ *Капитанъ* раненъ. Всѣ они прославились отличною своею храбростью, а *Когоринъ* сверхъ того былъ извѣстенъ суровостью въ обращеніи и разговорѣ. Когда кто нибудь былъ раненъ, онъ съ неохотою дозволялъ, чтобы двое изъ солдатъ вышли изъ фронта, для отнесенія раненаго на мѣсто перевязки. Когда же оторвало самому ему ядромъ ногу, онъ съ суровостію закричалъ на нихъ, которые хотѣли ему помочь: чтобы оставались на своихъ мѣстахъ, и дали бы ему умереть спокойно

Одинъ бомбандиръ упалъ, раненый пулею въ грудь: глаза его закрылись, онъ приготовлялся уже умереть: но когда товарищъ хотѣлъ отнять у него ружье, онъ крѣпко прижалъ его къ груди своей и проспоналъ: Постой немного, постой, дай мнѣ прежде умереть!

Вечеромъ мы начали отступать и $\frac{7}{19}$ числа утромъ вступили въ Лейпцигъ.

Отступленіе наше было ужасно. Изнуренные, голодные, послѣ трехъ-дневнаго боя: генералы, солдаты, офицеры, маркитанты, артиллерія конная и пѣшая, пѣхота и конница —

съ шумомъ, бранью, крикомъ и проклятіями спѣшили къ мосту на Эльстеръ. Здѣсь полагали предѣлъ всему — какъ будто бы за нимъ находилось прекрасное и милое отечество наше — Франція; но обстоятельства сдѣлались еще ужаснѣе, когда неожиданно съ тылу показались свѣжія Русскія войска съ 4 орудіями. Огонь ихъ губительно свирѣпствовалъ въ стѣсненной толпѣ нашей. Не было никакой надежды: добрые жители Лейпцига также посылали намъ ружейные выстрѣлы изъ оконъ своихъ.

Наконецъ, мостъ былъ взорванъ на воздухъ; я видѣлъ, о, не дай Богъ никогда впередъ видѣть, какъ летали обломки моста вмѣстѣ съ членами тѣхъ, которые почитали себя счастливыми, достигши его. Смотря на эту ужасную картину, сердце разрывалось горестію; я, воинъ, плакалъ какъ дитя. Все погибло; Князь *Понятовскій* и многіе генералы утонули въ Эльстерѣ.

Изъ le Finistèr *А. Гренъ.*

СМЕРТЬ БОРИСА РОСТОВСКАГО.

(*Историческое преданіе*).

Ночь воцарилась, надъ горой
Луна медлительно всплываетъ
И тускло блѣдною струей
Шатеръ безмолвный освѣщаетъ.
Запихла Алыпа; въ берега
Валы бурливыя не плещутъ,
На гладкой зыби линь трепещутъ
Лунны серебряной рога.

Стоитъ недвижно боръ дремучій,
Поляна дикая молчитъ;
Но вотъ зашла луна за тучи
И мраченъ сталъ природы видъ.

Какъ перлы, звѣзды кротко плѣютъ,
Лія съ высотъ чуть видный свѣтъ;
Мрачнѣе боръ, поля темнѣютъ,
Пронесся вихрь — предвѣстникъ бѣдъ.
И лѣсъ шатнулся почернѣлый,
Плеснулся въ берегъ шумный валъ,
Протяжно берегъ простоналъ,
И снова мертвый, онѣмелый,
Въ глубокой замеръ тишинѣ.
Въ туманномъ полѣ, чьи во тмѣ,
Среди глухой безмолвной ночи,
Какъ уголь горя, сверкаютъ очи?
Злодѣи тайныя идутъ
Къ шатру, неистовой толпою,
И гибель вѣрную съ собою
Страдальцу юному несутъ.

Объятый горестнымъ волненьемъ
Передъ иконою святой,
Несчастный Князь къ Творцу моленьемъ
Летѣлъ съ опкрытою душой,
Ему повѣдавъ всѣ страданья
Гоненій страшныхъ — скорбный плодъ,
Онъ ждалъ съ надеждой упованья
Ужъ близкій въ вѣчность переходъ.
Убійцу знавъ, но чуждый мщенья,
Ему давно, давно проспилъ,
И отъ души Творца молилъ
Злодѣю — брату отпущенья

Погибель вѣрная близка
Свершится скоро злодѣянье,
Не даромъ тайная тоска,
Не даромъ груди волнованье;
И Князь скрѣпивъ невольный вздохъ
Иконѣ Спаса приложился,
На все взглянулъ, со всемъ проспился
Потомъ на одръ безмолвно легъ

И ждалъ удара роковаго
Съ нѣмой рѣшимостью въ груди.

«Защитникъ слабыхъ! о, спѣши!
Призри страдальца безъ покрова,
Рука преступная готова,
Кинжалъ виситъ ужь оспріемъ;
Пріосѣни его щитомъ —
И сохрани отъ злобы мщенья!»
Увы! напрасныя моленья
Свершится замыселъ убійцъ.
Къ Борису рвѣніемъ пылая,
Передъ иконой падши ницъ,
Какъ дѣва слабая, рыдая
Георгій отрокъ такъ молилъ
Творца сердечною мольбою,
Чтобъ Онъ, Всевышнею рукою
Ударъ отъ князя отвратилъ.

Лампада тихо догараетъ
Сіяя брезжущимъ огнемъ
И умирающимъ лучемъ
Предметы тускло озаряетъ.

Какъ истуканъ несчастный князь
Со всѣмъ безъ жизни, безъ движенья,
Мечтой отъ міра отдѣлясь
Парилъ въ надзвѣздныя селенья.
Въ сей роковой, священный мигъ
Въ немъ страхъ земной на вѣкъ затихъ;
Его душа въ святомъ забвеньѣ
Не помнитъ міръ. Ни мщенья ядъ,
Ни смерти грозной приближенье
Страдальца чувства не смутятъ.
Какой-то говоръ сокровенный
Бориса весело зоветъ:
Какъ несчастливецъ заключенный
Душа святая воли ждетъ.
Вдругъ слышенъ шумъ, еще слышнѣе,
И вотъ, какъ тать, вошли въ шатеръ
Убійцы злобой пламенѣя,
Ужасенъ былъ ихъ смутный взоръ;
Лампады впалыя горѣли
Какой-то яростью нѣмой,

Они привычною рукой
Желѣзо острое вѣртели,
И взгляды бѣглыя кругомъ
Нетерпѣливо обводили
Вдругъ въ выраженіи нѣмомъ
На одръ печальный устремили.
Но медлили.... Невольный страхъ
Въ убійцъ внезапно поселился:
Дрожатъ кинжалы въ ихъ рукахъ
И первый разъ въ нихъ пробудился
Забытой совѣсти укоръ.

Свершить имъ страшно преступленье:
Возникшей совѣсти мученье.
Святая жертва.... Судъ небесный....
Тѣснятъ ихъ тайною тоской.
Они въ смущеньи предъ собой
Узрѣли Спаса ликъ чудесный,
И въ ихъ раскаянную грудь
Благое сѣмя заронилось,
Еще открытъ къ спасенью путь,

Еще для нихъ не заперлось
Дверь милосердія Творца,
Не отвратилъ еще лица
И отъ раскаянныхъ злодѣевъ.

Но все напрасно въ ихъ душахъ
Сильнѣй корысть заговорила,
И безвозвратно заглушила
Едва возникшій Божій страхъ.
Опять въ нихъ совѣсть притаилась,
И непроснется ужъ къ добру!
Какъ волки гладныя, къ одру
Злодѣевъ шайка устремилась.
Взвился убійственный кинжалъ,
Намѣченъ былъ ударъ холодной
И жертвой злобы первый палъ
Георгій отрокъ благородный,
Отягощенною главой
Несчастный къ груди преклонился
И медленно съ одра скатился
Сжавъ мечь безсильною рукой.

На груди отрока сіяла
Златая цѣпь — заслуги знакъ;
Въ опустошительныхъ бояхъ
Его душа огнемъ пылала:
Въ ряды враговъ не разъ врѣзалъ
Онъ мечь отчаяньемъ водимый,
Не разъ ударъ неотразимый
Онъ отъ Бориса отражалъ.
Готовый жертвовать собой
Онъ не страшился смерти злой,
И палъ съ отрадною мечтою
За князя — чистою душою.

Плѣняся цѣпью золотою
Злодѣи снять ее желали,
Но снять не могши, оторвали
Ее холодною рукой
Съ невинной, дѣтскою главой.

Мелькнуло лезвіе кинжала
Передъ таинственнымъ одромъ;
Страдалецъ палъ, его не стало!....

Съ святымъ безсмертія вѣнцомъ.
Душа Бориса воспарила,
Оставя бренный свой кумиръ,
Корабль средь бури, безъ кормила,
Пучину золъ и дольній міръ.

Далекимъ пламеннымъ щипомъ
Нѣмой свидѣтель злодѣянья,
Луна висѣла надъ шатромъ
И блѣдно палевымъ лучемъ
Лила дрожащее сіянье.
Тряхнулась вѣтвь глухой сосны,
Раздалось тяжкое роптанье
Эоломъ взброшенной волны,
И огласился долъ отзывомъ
При блескѣ тускломъ и сонливомъ
Уже блѣднѣющей луны.

А.—ій.

ОГРАНИЧЕННОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Когда-то я буду жить въ деревнѣ? Когда-то буду имѣть домикъ, окруженный вишневыми деревьями! Не подалеку отъ него былъ бы у меня садикъ, рощица, лужокъ, огородъ и пчелиные ульи. Быстрый, извивающійся ручеекъ, составлялъ бы границы моего царства, и желанія мои

никогда не простирались бы далѣе сего ручейка. Тамъ бы я проводилъ счастливые дни мои: труды, прогулки, книги, друзья и мудрая природа заняли бы все мое время. Тогда бы я имѣлъ чѣмъ дѣлиться съ бѣдными; безъ того нельзя быть богатымъ; имѣть только для себя одного, значитъ ни чего не имѣть.

В. Щ — въ.

МОИ МЕЧТЫ.

Въ часы спокойствія, въ часы уединенья,
Когда душа моя бесѣдуетъ съ мечтой,
Когда мой духъ стремится въ міръ иной
Въ міръ идеальный наслажденья,

Когда поэзіи невольно звукъ сольется
Въ моей тоскующей и страждущей груди,
И сердце бѣдное надеждою забьется
Надеждой радости и пламенной любви:

Тогда душа моя спокойно отдыхаетъ
Вкушая съ жадностью пріятства всей земли,
И призракъ счастія, какъ сонъ, мелькнувъ вдали
Меня забытаго надеждой утѣшаетъ.

Н. Гречъ. (*)

(*) Первыя опыты юнаго поэта. *А. Г.*

ДОМОВОЙ.

По опытамъ извѣстно, что разсказываемыя малолѣтнымъ дѣтямъ сказки о домовыхъ, мертвецахъ и тому подобныхъ страшилищахъ, а особенно еще пуганіе оными дѣтей для униманія ихъ отъ какой-либо шалости, свойственной всякому ребенку, причиняетъ не малой вредъ,

дѣлая его боязливымъ и суевѣрнымъ— иногда — на всю его жизнь; ибо вообще всякое дитя, по слабому его понятію, натурально всему охотно вѣритъ и сказываемую ему ложь принимаетъ за истину; а сіе можетъ легко вкорениться въ немъ такъ, что иногда даже и самое рачительное воспитаніе не помогаетъ въ истребленіи изъ него такой слабости.

А дабы показать читателю до какой степени въ нѣкоторыхъ пожилыхъ людяхъ простирается сумазбродство, поселившееся въ нихъ съ самаго ихъ дѣтства на счетъ лож-

наго мнѣнія о существованіи домовыхъ и прочихъ нечистыхъ духовъ, но помѣщаю здѣсь для того, одно письмо, писанное нѣкоторымъ помѣщикомъ изъ деревни къ его пріятелю, въ которомъ, между прочимъ, описываетъ онъ забавное произшествіе, случившееся съ нимъ на пути во время отъѣзда его изъ С.-Петербурга до своей деревни. Письмо сіе слѣдующаго содержанія:

«Въ проѣздъ мой (пишетъ онъ) чрезъ нѣкоторое мѣстечко, по случаю застигшей меня на пути бури, принужденъ я былъ остановиться въ первомъ на дорогѣ попавшемся

весьма худомъ трактирѣ, въ коемъ пріемная состояла въ малой и вѣтхой хижинѣ. Но при въѣздѣ моемъ на обширный дворъ того трактира, примѣчено было мною, что вновь отстроенный огромный флигель находился во все необитаемъ, въ чемъ доказательствомъ служили заколоченныя наглухо у оконъ ставни и двери.

По нѣкоторомъ времени отдохновенія моего, возродившееся во мнѣ любопытство понудило меня спросить пожилаго содержателя трактира, почему онъ живучи въ столь вѣтхой хижинѣ, которая по все-

минутно угрожаетъ разрушеніемъ своимъ, оставилъ, по видимому, вовсе вновь выстроенный его домъ? Онъ на такой вопросъ мой вздохнувъ отвѣчалъ: «ахъ, милостивый государь мой! причиною тому проклятой домовой, который съ давняго времени въ каждую почти ночь по наступленіи 12-го часа, производитъ тамъ ужасный стукъ, и что ни я, ни изъ прислуживающихъ у меня не имѣемъ столько бодрости, чтобъ даже днемъ сдѣлать осмотръ въ комнатахъ, въ которыхъ, вѣроятно,» продолжалъ онъ, «всѣ оставленныя тамъ мебели поломаны нечистымъ

духомъ.» — Я выслушавъ съ терпѣніемъ такую явную басню бѣднаго практирщика, заключилъ что конечно онъ имѣетъ у себя замыслованнаго недоброжелателя, который будучи увѣренъ въ простотѣ и суевѣріи его, рѣшился такимъ образомъ мстить ему. Въ разсужденіи чего пожелавъ я вывесть сего суевѣра изъ закорѣнѣлаго въ немъ предразсудка, объявилъ ему о намѣреніи моемъ остатся у него на ночь, и отправится на ночлегъ въ необитаемыя его комнаты для свиданія съ непріятелемъ его домовымъ. Едва успѣлъ я произнесть таковое мое

предложеніе, какъ практикъ воскликнулъ: «Какъ! вы хотите жертвовать своею жизнію столь безразсудно!... Боже сохрани!... Я никакъ не допущу васъ до сего предпріятія!... Нѣтъ, милостивый государь!... что тогда сомною будетъ, когда демоны лишатъ васъ души, и оную увлекутъ къ себѣ въ адъ!.. не долженъ ли я буду мучится за васъ моею совѣстію въ здѣшней жизни; а въ будущей....» Я прервалъ таковыя смѣшныя его возраженія моимъ увѣреніемъ, чтобъ онъ ничего не опасался и предоставилъ бы мнѣ право быть ему полез-

нымъ. Но по многимъ послѣ того убѣжденіямъ моимъ, едва удалось склонить сего чудака на мою рѣшимость.

Между тѣмъ ночь спустила на землю черную свою завѣсу, и я былъ совсемъ въ готовности къ знаменитому подвигу моему, подобно древнему странствующему рыцарю, почитавшему себя обязанным защищать приключенное человѣчество. Трактирщикъ удостовѣрясь въ моей героической рѣшимости, пришелъ опять того въ величайшую робость, и приближась ко мнѣ съ трепетомъ, спрашивалъ: «вы милостивый государь, неужели и въ самомъ дѣлѣ

рѣшился предался въ когти домоваго?...» Я, дабы успокоить его, немедленно показалъ ему носимый мною при себѣ маленькой образъ Спасителя. Трактирщикъ перекрестился и поцѣловавъ сей образъ, воскликнулъ: «Господи! спаси сего смѣлаго господина и не предай его душевно и телѣсно во власть демонскую!» Я поблагодаря его за такое нелицемѣрное о мнѣ моленіе и разпростившись съ нимъ по рыцарски, взялъ фонарь съ зажженною свѣчею, и всегда бывшею при мнѣ охотничью мою собаку, пустился вооруженною рукою, какъ говорится въ сказкахъ,

въ придевять земель въ придесятое царство.

Былъ уже въ исходѣ 11-й часъ ночи, какъ я прибылъ въ предѣлы демонскаго обиталища, въ которомъ остановился спокойнымъ лагеремъ: воожиданіи, будто отъ слабаго и робкаго непріятеля, полезнаго для себя мира или рѣшительнаго его на меня нападенія. Дѣйствительно я расположился съ моею собакою въ первой небольшой комнатѣ предъ довольно обширнымъ заломъ, и притворивъ плотно находившуюся въ оный дверь, вынулъ изъ фонаря свѣчу и поставилъ опую въ подсвѣчникѣ

на случившейся въ той комнатѣ предъ диваномъ столикъ, на который положилъ карманныя свои часы, заряженный, на всякой случай, пистолетъ и саблю, и растянувшись на диванъ, подобно роскошному Сибариту, принялся было въ спокойствіи духа курить табакъ, ожидая появленія домоваго.

Но не долго наслаждался я симъ спокойствіемъ; ибо на часахъ моихъ стрѣлка едва успѣла передвинутся на 6-ю минуту, по входѣ моемъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, услышалъ я въ залѣ происходящій шорохъ, и собака моя, предвѣстница чрезвычай-

наго, вдругъ начала бѣгать по комнатѣ, въ коей я находился, и обнюхивать въ углахъ оной; особенно же подбѣгала чаще къ двери зала. Замѣтивъ такое странное движеніе собаки моей, ожидалъ съ нетерпѣніемъ дальнѣйшаго послѣдствія, какъ она вдругъ прибѣжавъ ко мнѣ начала выть; отъ чего, однакожъ, я ее тотчасъ унялъ. Между тѣмъ происходившій въ залѣ шорохъ все еще продолжался. Я вставъ поспѣшно съ дивана: имѣвши въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой, обнаженную саблю, произнесъ громогласно, и прямо по рыцарски: «кто бы ты

ни былъ духъ или человѣкъ нарушающій здѣсь спокойствіе мое, я желаю тебя видѣть!» Но лишь только успѣлъ произнести сіе героическое моевосклицаніе, какъ нѣчто щелкнуло, и дверь изъ зала мгновенно растворилась и, о ужасъ!... стоявшая на столикѣ зажженная свѣча вдругъ загасла отъ сильнаго воздуха, произшедшаго подобно отъ мантіи на человѣкѣ, пробѣжавшемъ мимо меня по комнатѣ. Послѣ того поднялся ужасный шумъ и бомбандированіе, чѣмъто, въ стекла окошекъ.

Признаюсь, что таковая не слишкомъ прелестная для слуха моего

гармонія, продолжалась, помнится, близъ четверти часа, и наконецъ довершилась паденіемъ въ залѣ люстры, разрушившейся объ полъ.

Я долженъ откровенно признаться, что со всею бывшею тогда неустрашимостію моею, предпринялъ было учинить по всѣмъ правиламъ военной тактики, премудрую ретираду, и не мало остававшееся время ночи пожелалъ препроводить поспокойнее въ обвѣтшалыхъ чертогахъ трактирщика; но въ семъ благоразумномъ намѣреніи моемъ, воспрепятствовала ужасная темнота, принудившая повелительно остаться мнѣ

въ невыгодной моей засадѣ — для сбереженія моего лба.

Добравшись ощупью до дивана, и повергшись на оный, я призывалъ къ себѣ на помощь благодѣтельнаго Морфея, но вѣроятно за не имѣніемъ у него маковыхъ цвѣтовъ, онъ ко мнѣ не являлся. И такъ будучи лишеннымъ такого нужнаго въ сіе критическое для меня время благодѣянія его, придумалъ опъ скуки лучшее занятіе: лежа на диванѣ, переворачивался почаще съ бока на бокъ.

Пребывая въ такомъ мучительномъ положеніи, ожидалъ съ боль-

шимъ непереѣніемъ окончанія онаго. Всякой, будучи на моемъ мѣстѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ представить себѣ, какую я ощутилъ величайшую радость, когда увидѣлъ сквозь щели ставней, какъ Аврора предшествовала Фебу, едва начинающему выѣзжать на златой колесницѣ, везомой огнистыми конями. Я немедленно забравъ свое оружіе и проч., и съ командовавъ моей собакѣ къ отступленію изъ предѣловъ не приступнаго непріятеля, прибылъ скорымъ маршемъ къ практирщику, опчаявшемуся когда-либо меня видѣть, но который, увидя меня существую-

щимъ между живыми, приведенъ былъ отъ того въ неописанныя восхищенія и радость.

Л. д! ты, можетъ быть, подумаешь, что все, мною описанное, нелѣпость, и причтешь разгорячennому моему воображенію, но прошу тебя терпеливо удостоить дочитать доконца мое повѣствованіе; а дабы подкрѣпить твое терпѣніе въ ономъ, то предваряю, что въ произшествіи семъ ничего не заключается сверхъестественнаго; но все въ ономъ обыкновенно и естественно; вотъ тебѣ и слѣдующая всему тому развязка:

Послѣ подкрѣпленія себя сномъ по претерпѣнной мною въ минувшую ночь безсонницѣ, пошли мы двое съ тракширщикомъ, котораго, однакожъ, едва я могъ согласить, въ необитаемыя смерпными комнаты, для осмотра. Пришедши въ оныя, къ крайнему удивленію моему, увидѣлъ я во множествѣ лежащихъ на полу издохшихъ непопырей. Тракширщикъ почтя оныхъ нечистыми духами, упалъ безъ чувствъ; но я приведши его въ онос, увѣрилъ что по были летучія мыши, коихъ не случалось еще никогда сему чудаку видѣть.

И такъ происходившее ночью въ комнатахъ, вѣроятно случилось не отъ чего инаго, какъ отъ множества непопырей, влетѣвшихъ въ выбитыя стекла окошекъ, и можетъ быть, уже съ давняго времени тамъ поселившихся; ибо, вой собаки моей, и ее обнюхиваніе происходило отъ того, что она, по свойственному вообще симъ животнымъ тонкому обонянію, услышала непопырей: дверь же отворилась отъ вѣтра; дувшаго въ прямо отстоящія противъ оной окна, у коихъ, какъ выше помянуто, не было нѣсколькихъ стеколъ; пробѣжавшій, какъ будто

мимо меня невидимо по комнатѣ человѣкъ въ мантіи, отъ которой погасла свѣча, по мнѣнію моему, такъ же причиною былъ вѣтеръ, растворившій дверь; стукъ въ окончины и стекла происходилъ отъ нетопырей, ибо они вдругъ поражены были внезапнымъ свѣтомъ отъ зажженной свѣчи, да и доказательствомъ сему есть то, что ихъ нашелъ я во множествѣ лежащихъ на полу у оконъ; паденіе въ залѣ люстры, послѣдовало по причинѣ перервавшагося шнура, коимъ оная была къ потолку привязана, и шнуръ сей, какъ будто нарочно,

держался до того самаго времени, въ которое я посвятилъ себя въ званіе Рыцаря Донъ-Кихота.»

В. Щ — въ.

ОСЕНЬ.

Давно ли Аврора
Дней ясныхъ царица,
Изъ водъ выплывала
Какъ лебедь младой,
И въ моръ играя
Лучемъ серебристымъ,
Картиной волшебной
Была для очей.

Давно ли зефиры
Весенніе гости
Играя, порхали
По рощамъ, лугамъ,
И вешней прохладой
Грудь милой пастушки,
Лелѣяли нѣжно
Съ любовью весны?
Давно ль ты о роща
Мечтателей томныхъ,
Какъ другъ услаждала
Подъ сѣнью своей;
На трепетныхъ вѣтвяхъ
Тѣнистой дубравы,
Пѣвецъ голосистой
Гремѣлъ соловей?
Давно ли дочь Флоры
Прелестная роза,
Какъ юная дѣва
Цвѣла на лугахъ,

И взоры прохожихъ
Манила, прельщала
Роскошной красой?
Давно ль въ хороводахъ
Веселыя пѣсни
Гремѣли повсюду
Счастливыхъ селянъ,
Пастухъ на свирѣли
Напгрывалъ милой
Завѣтные звуки
Любови своей.
Лучь солнца отрадный
Живилъ всю природу,
Все въ мірѣ дышало
Упѣхой любви:
А нынѣ Аврора
Какъ мѣсяцъ полночный
Не грѣетъ природы
Холоднымъ лучемъ.
Луга опустѣли,

И роща заглохла
Не слышно пернатыхъ
На вѣтвяхъ древесъ.
Влюбленнымъ пріюта
Нѣтъ въ рощѣ завѣтной,
Все мрачно въ природѣ
Тоскуетъ любовь.
Зефиры умчались
Съ весной легкокрылой,
И роза увяла
До новой весны.
Такъ быстро проходитъ
И юность златая,
И мы невозвратно
Увянемъ, друзья,
Лишь сердце для счастья
Съ весною природы,
На мигъ въ насъ забьется,
На мигъ процвѣтетъ.

Н. С.

КУРИЦА и УТКА.

(Басня.)

Куда какъ ты умна!
Дождь проливной, мятель со стужей,
А ты купаешься все въ лужѣ,
Тебѣ и въ осень все весна!
Мнѣ на тебя смотрѣть и жалко и забавно,
Ну дождь тебя промочитъ славно,
Съ насестья курица шатаясь на шестѣ,
Читала уткѣ наставленье,
Что жъ та въ отвѣтъ кумѣ? —

При трусости твоей напрасно наставленье,
Я кумушка дождя ни сколько не боюсь,
Мнѣ дождь не вредъ, благотворенье,
Его я влагою и моюсь и свѣжусь.

Смыслъ басни сей давно читатель знаетъ:
Отъ критики талантъ не убѣгаетъ.

Н. С.

КЪ А. Е. ГРЕНУ.

Въ волненьи думъ, въ пылу страстей,
Я забывалъ предразсужденья,
И часто геній вдохновенья
Во мглѣ таинственныхъ ночей:
Являлся мнѣ съ мечтой унылой,
И разкрывалъ передо мной
Завѣтъ судьбы неумолимой
И муки сердца съ суэтой.

Къ душѣ холодныя сомнѣнья
Не прилетали вновь порой,
Я не спасалъ себя мольбой,
И сердце билось въ умиленьи.
Докучный вздохъ не вылеталъ,
Душа не знала упованья;
И я въ молчаніи внималъ
Толпы безумной сострадапья.

А. Левицкій.

ЗВѢЗДА.

(Аллегорія.)

Былъ вечеръ. Звѣздочка сверкала
Одна на небѣ голубомъ:
Она, казалось, отдыхала
На лонѣ мирномъ и родномъ.
Но долго-ль?... Туча накопилась,
Слилась съ землею темнота,
И въ мракѣ звѣздочка сокрылась,
Какъ перелетная мечта!

А. Гренъ.

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ

Къ брату И. Е. Грену.

I.

Простота жизни Финновъ, — деревня Сувеной, — взглядъ на Выборгъ.

Была сумрачная и холодная ночь, когда я съ другомъ своимъ *бар. Г-мъ* проѣзжалъ угрюмые лѣса Финляндіи. Уже мы далеко оставили за собою

селеніе Линдолово и спѣшили въ Выборгъ, гдѣ намѣревались провести нѣсколько дней. Кибитка наша ѣхала весьма тихо, и вдали, по темнотѣ ночи, мы не могли ничего примѣтить. Съ пасмурною погодою и мы были печальны; каждый думалъ о своемъ. Наконецъ товарищъ мой прервалъ наше молчаніе, спрося раза три рыжаго Финна, ямщика нашего: «Далеко ли до первой станціи?»

— *Влійско, герра!* (сударь) *вирстъ шесть*, — отвѣчалъ Финнъ, и съ досады пріударилъ лошадей, а замахнувшись, полкнулъ нечаянно спавшаго *Ивана*, нашего деньщика.

«*Гей пергалла!* что ты взбѣсился!» сказалъ *Иванъ*, протирая глаза: «тебѣ вѣрно хочется подарка отъ моей солдатской руки.»

Чухонецъ, не разслушавъ или не понявъ словъ его, беззаботно вынулъ трубку изъ кармана, набилъ корешками, ударилъ раза два кремнемъ объ огниво — закурилъ её, и выпуская сизый дымъ изорта, бормоталъ какую-то пѣсню, изъ которой мы поняли только частой припѣвъ: *эй муйста, эй муйста!* (не знаю не знаю.)

«Узнаешъ, братъ!» сказалъ *Иванъ*: отъ меня и не вашей братьи до-

ставалось. Вѣдь я въ двѣнадцатомъ году былъ подъ Бородинымъ.»

— *Кассо вейконъ! тульта, тульта*, (посмотри, братъ! огонь, огонь,) — закричалъ радостный *Финнъ*, толкнувъ рукою *Ивана*.

«Что такое? .... что такое? ... что?» кричалъ *Иванъ*, разинувъ ротъ. Мы тоже глядѣли во всѣ стороны, но ничего не примѣчали, а Чухонецъ продолжалъ кричать: *тульта! тульта!*

Наконецъ мы узнали причину радостнаго крика, примѣтивъ вдали блеснувшій огонь. Онъ-то пропадалъ, но опять являлся изъ-за лѣса, и

напослѣдокъ тамъ открылась небольшая деревня Сувеной, гдѣ въ бѣдныхъ хижинахъ свѣтился огонь.

— Не ночевать ли намъ въ этой деревнюшкѣ? — сказалъ я моему другу: ночь холодная и одиннадцать часовъ, мы можемъ рано на зарѣ выѣхать и рано успѣемъ пріѣхать въ Выборгъ. —

«Да правда твоя;» сказалъ товарищъ мой, и радостный *Иванъ* кричалъ: ночлегъ, ночлегъ, въ лучшую корчму. — Мы остановились у одной хижины; Чухонецъ нашъ постучался въ слуховое окошко, изъ котораго показалась курчавая и бѣлая какъ снѣгъ голова. «*Мите те тагготе?*

(что вамъ надобно?)» проворчалъ онъ похоронным голосомъ.

«Отопри ворота,» закричалъ съ нетерпѣніемъ *Иванъ:* «или я твою бѣлую голову выдерну на улицу.»

Чрезъ нѣсколько времени отворились со скрыпомъ ветхія ворота, показалась бѣлая голова съ зажженною въ рукахъ лучиною. Мы въѣхали на дворъ, вышли изъ кибитки и, приказавъ нашему *Ивану* принести корзину съ кушаньемъ, отправились за провожатымъ въ избу.

Два старика сидѣли у печки, курили трубки и безпечно разговаривали между собою. Чухонка сред-

нихъ лѣтъ качала въ привѣшенной къ жерди люлькѣ дитя и пѣла заунывную пѣсню. Два мальчика, лѣтъ по десяти, спали на разостланной соломѣ. На желѣзной поставкѣ горѣла лучина и отбрасывала слабый свѣтъ свой по избѣ, Вотъ что представилось при входѣ въ хижину.

«*Іюве ильта!* (добрый вечеръ!)» сказалъ другъ мой; при семъ словѣ два старика почтительно вспали, отвѣтствуя: *юмаландака герра* (покорнѣйше благодаримъ, сударь). Чухонка кивнула головою, и опять водворилась прежняя счастливая тишина.

Вошелъ *Иванъ*, таща на спинѣ корзину съ дорожными запасами, вошелъ и рыжій ямщикъ нашъ, поклонился, сталъ у печки и, казалось, чего-то ожидалъ. Я догадался, вынулъ изъ кошелька гривенникъ и отдалъ ему. Благодарность за благодарностью, и слову *юмалайдака* не было бы конца, когда бы не *Иванъ* нашъ: онъ долго глядѣлъ на Финна, и вдругъ, какъ бы опомнясь со сна — схватилъ его подъ руки и съ словомъ: прощай *вейконъ!* (братъ!) выполкнулъ за двери.

Мы смѣялись и разговаривали; но ударило 12 часовъ и время на-

помнило намъ, что пора спать. Закусивъ на скорую руку—мы приказали принести пукъ соломы, и разостлавъ оную, бросились отдыхать на полу. Подражая намъ — и другіе улеглись, гдѣ попало.

Было два часа ночи; когда я проснулся, въ избѣ было душно; въ углу на лавкѣ храпѣлъ нашъ *Иванъ*, два старика спали на печкѣ, бѣлая голова съ подругою лежалъ на постелѣ, два мальчика и мы на полу. Я всталъ, отперъ слуховое окошко и былъ прохлажденъ легкимъ дуновеніемъ полночнаго вѣтра.

Погода перемѣнилась: вмѣсто холодной и сумрачной настала теплая и ясная; блѣдная луна озаряла свѣтомъ печальныя окрестности Сувеноя: всюду царствовало молчаніе, лишъ изрѣдка прерываемое журчаніемъ тихаго ручья.

— Какъ прелестна дикая природа Финляндіи! — сказалъ я, озираясь во всѣ стороны.

«Пріятнѣе спать!» сказалъ другъ мой, протирая глаза, и снова заснулъ.

Долго я сидѣлъ облокотясь на окно — разсматривая видъ Сувеноя, и признаюсь, милой братъ, я вздохнулъ — и слезы покатились по

лицу. Я вспомнилъ свою родину, гдѣ проводилъ золотые годы въ счастливой безпечности; вспомнилъ минувшее, когда гулялъ по долинамъ веселой Малороссіи. Но все прошло, — я далеко на сѣверѣ, — въ странѣ, прославленной поэтами.

Въ четыре часа я легъ, и прелестный сонъ оживотворилъ картину пылкаго моего воображенія, перенесши меня въ волшебный край и въ счастливые годы.

Въ семъ часовъ утра выѣхала съ шумомъ кибитка наша изъ деревни Сувеноя. Лихая тройка удалыхъ коней мчалась во всю скачь, и дикія кар-

пины Финляндіи мелькали одинъ за другими. Пріятно путешествовать по незнаемымъ мѣстамъ, видѣть иную природу, иные нравы и обычаи; но пріятнѣе жить въ землѣ отцовъ своихъ, видѣть все знакомое, обнимать все родное.

Мы летѣли; быстро измѣнялись предметы за предметами; мелькали села, деревеньки — и мы не видали, какъ подъѣхали къ Выборгу. Въ двухъ верстахъ отъ города, на лѣвой сторонѣ отъ большой дороги, видно кладбище, осѣненное березами. Видъ печальный! Оно напоминаетъ кратковременную жизнь нашу, жизнь,

проведенную въ горестяхъ: ибо я думаю, что никто не можетъ назваться истинно счастливымъ. Вся жизнь наша есть ни что иное, какъ бурливый океанъ.

Не надолго все, что мило!
Жизнь для счастья коротка! —
Но грустить о томъ, что было,
Сердцу сладкая тоска.

А. Ротчевъ.

Мы любопытствовали видѣть надгробные камни, скрывающіе подъ хладною землею пѣла усопшихъ; встали съ повозки и пошли съ священнымъ трепетомъ къ симъ мѣстамъ. Здѣсь видѣли по простой

крестъ, осѣнявшій могилу мирнаго Финна, но богатый обелискъ знатнаго человѣка; здѣсь могила добраго дѣда нашего, *П. П. Грена*, бывшаго гражданскаго губернатора Выборгской губерніи. При этомъ я невольно вспомнилъ прекрасные стихи *Н. М. Карамзина:*

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной,
Вѣтры тамъ вѣютъ, спящимъ прохладно;
Травки, цвѣточки расцвѣтъ.

Побродивъ по кладбищу и погруспивъ, мы опять помчались. Природа, одѣвшись зеленымъ покровомъ, улыбалась вокругъ насъ. Сполѣтнія сосны и пихія сли наводили дикое

безмолвіе на окружности. Тутъ пошли возвышенныя мѣста, и надъ пропастями нависли вѣковые камни.

Мы въѣхали въ форштатъ города; — маленькіе и низенькіе домики мелькали вокругъ насъ. Мы спрашивали, гдѣ бы намъ пристать? Всякой просилъ посѣтить его маленькое жилище, и всѣ съ добродушною радостію смотрѣли на путешественниковъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ трактиръ, въ которомъ, назадъ тому двадцать лѣтъ, поселился Италіанецъ *синьоръ Мотьте*. Онъ содержитъ его, и пріѣзжающій не долженъ

опасаться, что здѣсь ничего не найдетъ: здѣсь все есть, какъ въ другихъ большихъ городахъ.

Нѣсколько чисто убранныхъ комнатъ находятся во всей готовности къ услугамъ путешественниковъ. По двѣ постели въ комнатѣ — своею привлекательною чистотою манятъ всякаго къ отдохновенію. Комната, отведенная намъ, была изъ лучшихъ; убиварь ее составляли: шесть креслъ, два стола и диванъ. Нѣсколько картинъ довольно хорошей работы висѣло на стѣнѣ. На одномъ столѣ лежали С.-Петербургскія Вѣдомости, Сѣверная Пчела и Русскій Инвалидъ.

А на другомъ столѣ — лежала обернутая въ чистую бумагу на Чухонскомъ языкѣ Библія, любимое занятіе Финна въ праздничное время. Чухонцы всегда носятъ съ собою Священное писаніе, и послѣ работы, въ часы отдыха и досуга, читаютъ его, и находятъ въ немъ все свое упѣшеніе въ жизни.

Въ два часа по полудни мы пошли прогуляться по городу; взявъ съ собою добраго и веселаго поручика Е. А. Пенцеліуса, который зналъ всѣ лучшія мѣста въ городѣ. Выходя изъ воротъ, мы встрѣчали вездѣ довольно хорошо построенные до-

мики, улицы весьма чистыя и для прогулокъ пріятныхъ. Посѣтивъ крѣпость, старинное сооруженіе Шведовъ, которое въ иныхъ мѣстахъ обвалилось мы отправились къ *Красному* колодцу. Сей колодезь находится на Петербургской сторонѣ и на обширной площадкѣ. Здѣсь прежде въ праздничные дни молодые обыватели города, обоего пола, собирались играть въ разные игры и подъ волынку плясали извѣстный въ Финляндіи простонародный танецъ *англійска* (Русской бычекъ). Недалеко отъ колодца сдѣланы скамьи для прохлажденія и отдыха прохожихъ.

Сѣвъ здѣсь, можно обозрѣть всѣ окрестности Выборга. На лѣво видны синѣющія воды Финскаго залива; на немъ мелькаютъ, какъ ласточки, Финскія суда съ бѣлыми парусами. На право — вдали видѣнъ плацъ противу Грекороссійской Соборной церкви Св. Преображенія Господня, гдѣ въ лѣтнее время бываетъ парадъ Финскихъ войскъ. Въ окружности вездѣ видны разсѣянныя домики, изъ трубъ коихъ вьется къ облакамъ дымъ по голубому небу. Какое пріятное зрѣлище для всякаго, кто любитъ видѣть милую природу въ простотѣ ея.

Мы долго здѣсь наслаждались сею картиною; но время напомнило намъ, что пора возвратиться въ трактиръ. — Ударило девять часовъ и, немного отдохнувъ, другъ мой *бар. Г-ко* вышелъ въ общую залу играть въ бостонъ съ собравшимися тамъ офицерами Нейшлотскаго Егерьскаго полка; а я въ это время сѣлъ за столъ и написалъ сіе письмо. Прощайте!

Выборгъ,
25-го Августа 1833.

II.

Mon repos, — Финская церьковь, — Хуссъ-Нѣми, — два анекдота, изображающія нравы Финновъ.

Всего чаще въ Свѣтѣ не сбываются надежды наши: мы думаемъ, что скоро достигнемъ предмета нашихъ желаній, однако же часто въ одинъ мигъ все разрушается, и мы опять на прежнемъ пути обманчивой жизни нашей. Такъ и со мною случилось, любезный братъ; я обѣщалъ тебѣ на дняхъ возвратиться въ Петербургъ, но обстоятельства перемѣнились и я долженъ по види-

мому прожить въ Финляндіи еще долго. Ты просишь меня сообщить тебѣ описаніе Mon repos, увеселительнаго загороднаго сада барона *Николай*. Изволь; описаніе мое будетъ небогато, за то вѣрно.

На каменистомъ берегу Финскаго залива, въ двухъ верстахъ отъ Выборга по Фридрихзгамской дорогѣ, на правой сторонѣ, среди густаго сосноваго лѣса стоитъ живописное помѣстье барона *Николай*. Дикое, прелестное мѣстоположеніе даетъ ему видъ самый очаровательный. Здѣсь природа въ геніальныхъ произведеніяхъ своихъ выставила всѣ

идеалы совершенства; искуспво рукъ человѣческихъ едва прикасалось коёгдѣ и потому почти незамѣтно. Взойдя на возвышенный холмъ, ты видишь съ одной стороны спокойныя воды Финскаго залива, по которымъ корабли, оживленные промышленностію, спѣшатъ въ Россію, Швецію, Финляндію. Нѣсколько мелкихъ острововъ разбросано въ пріятномъ безпорядкѣ и, какъ точки, чернѣются маяки гавани Стральзунда. Съ другой стороны обширныя горы камней образовали площадку, на которой видѣнъ сельскій домикъ отца нынѣшняго владѣльца. Здѣсь

старый баронъ *Николай* въ часы досуга любилъ заниматься поэзіею, и нерѣдко благодѣтельная рука его отирала здѣсь слёзы бѣдности. На право, за каменною оградою, цвѣтущая долина и на ней разсыпанное стадо. Пастушья свирѣль напѣваетъ унылыя пѣсни безпечнаго Финна, и сквозь деревъ мелькаютъ небольшіе домики Выборгскаго форштата. Картина истинно очаровательная!

Суровый край: его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Повергнись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;

На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады. . . .

Баратынскій.

Вотъ стихи нашего Финскаго поэта: они вѣрно изображаютъ картину Финляндіи и Mon repos. — Во внутренности сада: густыя аллеи, прелестные цвѣтники, оранжереи съ рѣдкими растѣніями Востока — переносятъ зрителя неожиданно подъ экваторъ, въ Индію. Флора здѣшняя столь богата и разнообразна, что изумленный взоръ не знаетъ на чемъ остановиться. — Недалеко отъ берега есть островокъ, на которомъ построена маленькая крѣпостца. Тамъ

покоится съ миромъ прахъ отца нынѣшняго владѣльца. Три уединенныя сосны осѣняютъ его надгробный памятникъ. Здѣсь любитъ распѣвать сѣверный соловей. Меня увѣряли, что *Баратынскій* часто посѣщалъ садъ сей и здѣсь обдумывалъ свою *Эду*. Въ *именной рощѣ*, на одной изъ вѣковыхъ сосенъ, я видѣлъ также фамиліи двухъ знаменитыхъ писателей нашихъ: *Д. В. Давыдова* и *К. Н. Батюшкова*. — Оставляя до слѣдующаго письма описаніе сего сада, я только скажу, что помѣстье барона *Николай* есть единственная дача въ сѣверномъ краю Европы;

совѣтую каждому путешествующему по Финляндіи взглянуть на прелестное Мон repos.

Въ Воскресенье 26-го Августа — я зашелъ въ Финскую церковь. Старинное, готической архитектуры зданіе сіе имѣетъ видъ четвероугольника, и построено Финнами еще за долго до основанія Выборга. Стѣны, сложенныя изъ огромныхъ дикихъ камней и слитыя свинцомъ, не боятся руки времени и устоятъ многіе вѣка. — Почтенный старецъ, пробстъ Финскихъ церквей, *Пенцеліусъ*, говорилъ проповѣдь: *о смиреніи*. Народъ слушалъ его съ истин-

ною набожностію, и я замѣтилъ, что многіе плакали. Я сѣлъ въ задній уголъ церкви и перенесся мысленно въ лучшій, идеальный міръ; забылъ все земное и, *тамъ*, въ небесномъ искалъ отрады для измученной несчастіями души моей. Долго, долго я сидѣлъ въ задумчивости; звонъ колокола и шумъ народа, выходящаго изъ церкви, возвратилъ меня опять на землю: и лучшія, прекрасныя мечты мои исчезли какъ сонъ.

Вечеромъ я поѣхалъ съ Е. А. П. на Финскомъ челнокѣ въ Хуссъ-Нѣми, (лѣтній островъ). Челнокъ бѣжалъ

быстро, такъ что въ четверть часа проѣхали мы четыре версты и очутились на острову. Привязавъ нашу лодку къ куспарнику; мы вышли на берегъ. Два, три домика, вокругъ которыхъ сушились рыбачьи сѣти, и больше ничего! На порогѣ одного дома сидѣлъ почтенный, лѣтъ семидесяти, старикъ; вперивъ глаза свои на синія воды залива, онъ кажется искалъ въ нихъ чего-то. Усмотрѣвъ насъ, онъ всталъ и почтительно поклонился, прося посѣтить его жилище. Во внутренности хижины мы нашли опрятность и чистоту; двѣ молодыя дѣвушки,

хорошенькія собою, занимались шитьемъ; въ углу сидѣла старуха, мать ихъ, лѣтъ пятидесяти. Я сѣлъ на лавку у окна, съ котораго видъ очаровательный: солнце величественно догорало на западѣ и послѣдніе лучи его отражались въ тихо-струящемся заливѣ; уединенныя берёзы и вѣковыя сосны своею глубокою мрачностію и царственнымъ величіемъ наводили на душу мою что-то неизъяснимое, небесное! Слеза навернулась на глазахъ моихъ, и эта слеза, непонятная холодному эгоизму, была слезою чистаго невыразимаго удовольствія.

Ahi! null'altro che piauto al mondo dura!

Petrarque.

Ахъ! въ свѣтѣ нѣтъ ничего постояннѣе и пріятнѣе слезъ!

Петрарка.

Мы рвали и ѣли ароматическую *мамуру* (сѣверная малина, растущая въ одной только Финляндіи) и, побродивъ по острову, возвратились въ девять часовъ въ Выборгъ.— Въ общей залѣ трактира *сеньора Мотьте* собрались нѣсколько офицеровъ, и здѣсь я подслушалъ два анекдота, изображающіе нравы и обычаи Финновъ. Вотъ они:

— Отецъ мой, — говорилъ одинъ молодой офицеръ: былъ зажиточный

пасторъ одной деревни. Крестьяне любили и почитали его. Однажды, это было въ Воскресенье, онъ сидѣлъ за столомъ съ своимъ семействомъ и обѣдалъ. Входитъ пожилыхъ лѣтъ крестьянинъ, поклонился почтительно отцу моему и, взглянувъ на салатъ, который мы тогда ѣли, поспѣшно вышелъ вонъ. Отецъ мой приказалъ его воротить, и онъ вошелъ снова съ поклономъ. «За чѣмъ ты такъ поспѣшно вышелъ, *Томасъ?*» спросилъ отецъ мой крестьянина, «и что тебѣ надо?» — *Эй митте!* (ничего), отвѣчалъ крестьянинъ: мой хотѣлъ попро-

сипь у васъ клѣба, но мой видипъ, чипо вы самъ кушай праву! —

— Другой крестьянинъ Сенпъ-Михельской губерніи, возвращаясь изъ одной дальней деревни домой, нашелъ на дорогѣ золопые часы, вѣроятно поперянные проѣзжимъ. Думая, чпо это какая ни есть незначущая вещь, онъ не разсматривая положилъ ихъ въ карманъ. Пріѣхавъ домой, онъ показалъ находку свою женѣ, копорая взявъ часы въ руки и услышавъ біеніе маятника, поспѣшно бросила на столъ: *сипъ писту пергалла!* (здѣсь сидипъ дьяволъ!) проворчала она сквозь зубы.

Мужикъ приложилъ часы къ уху и съ испугомъ бросилъ ихъ на полъ, попомъ схвативъ топоръ, разбилъ ихъ въ дребезги. —

Справедливы ли эти анекдопы, не ручаюсь, но я слышалъ ихъ отъ такихъ людей, на вѣрность которыхъ положиться можно. — Прощай, любезный братъ! Слѣдующее письмо получишь ты отъ меня въ Воскресенье 30-го Августа.

А. Гренъ.

Выборгъ,
27-го Августа 1835.

БАЛЬНЫЯ ДРУЗЬЯ.

Какъ я люблю тебя мой другъ!
Какъ веселъ ты, и дать умѣешъ тону
Вчерашній балъ твой!... Да, близокъ къ милліону,
А что? — О немъ грѣмѣлъ повсюду слухъ!...
И только? — что жъ тебѣ ужели мало
И къ чести истинной чего недоставало;
Всѣ графы и князья
Всѣ хоромъ закричали
Прекрасна выдумка твоя!

Когда тебя съ наслѣдьемъ поздравляли;
Что жъ дальше? — замолчали,
И бала новаго опять друга ждутъ.
Дождутися вѣрно; а награда
За мой сюрпризъ усердный трудъ
Ужъ вѣрно дружество? — Нѣтъ брапецъ
репирада
До бала новаго, всѣ вновь къ тебѣ прильнутъ
И вся развязка тутъ.

Н. С.

КЪ СОСЛУЖИВЦАМЪ.

Прощайте добрыя друзья
Фортуны ласковой любимцы
Мои былыя сослуживцы
Распанусь скоро съ вами я!
Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣ,
И я помчусь быстрѣй орла
Искать для жизни лучшей доли,
Какая мнѣ доднесь была.

Опять, опять въ мундиръ военный,
Друзья! опять я облекусь,
И съ Петербургомъ, упомяненный
На долгій срокъ я распрощусь.
Друзья! скажу вамъ просподушно
Меня пельстипъ его молва,
Мнѣ въ Петербургѣ тяжко, душно,
Болитъ, кружится голова!...
Мысль бьетъ туда, гдѣ все лѣлѣетъ
Мечты, надежды и любовь,
Мнѣ съ той страны отрадой вѣетъ,
Какъ съ дола запахомъ цвѣтовъ;
Туда подъ кровъ гостепріимной,
Подъ кровъ природы и людей,
Отъ этой праздной жизни, дымной,
Отъ злобы свѣта и цѣпей.
Съ какимъ веселіемъ свободы
Взгляну я на весну природы
Богатой, свѣтлой, молодой,
И на ея роскошномъ лонѣ,

Какъ вѣнценосный Царь на тронѣ
Свободной отдохну душой.
Когда же пушка вѣстовая
Къ походу звучно прогремитъ,
Вашъ другъ сонъ сладкій забывая
На полѣ чести полетитъ:
И тамъ за родину сражаясь
Умретъ на лаврахъ улыбаясь
Иль къ розамъ счастья поспѣшитъ.
Въ страну, гдѣ страстію сгарая
Я жилъ, и счастливъ былъ любя,
И гдѣ невѣста молодая
Томится, плачетъ, ждетъ меня....
Но полно мнѣ мечтать такъ сладко
Разлука часто мнѣ украдкой
О грусти съ вами говоритъ.
Ахъ, скоро я растанусь съ вами
Съ моими милыми друзьями,
Ужь слезы капаютъ съ ланитъ!...

Примите же желанье дружбы:
Да милость вѣчнаго Творца
Пребудетъ съ вами до конца
Средь горя, отдыха и службы.

Н. С.

ГУСЬ ОДНОНОГОЙ.

(Анекдотъ.)

Одинъ Нѣмецъ нанялъ къ себѣ въ услуженіе повара изъ Русскихъ, которому приказалъ купить гуся и его изжарить. Поваръ выполня все сіе приказаніе, прельстился наконецъ жаркимъ такъ, что никакъ не могъ воздержатся отъ того,

чтобъ не попробовать его прежде своего хозяина, и вырѣзавъ у жаренаго гуся одну ногу, убралъ её съ добрымъ аппетитомъ. Но когда онъ подалъ на столъ жаркое, то Нѣмецъ не видя у гуся одной ноги, спрашивалъ у своего повара: «послюшій Иванъ! кеде у кусскъ пруга ношка?» — Смѣльчакъ Иванъ отвѣчалъ ему: «это, сударь, изъ особеннаго рода гусей, которые отъ природы болѣе не имѣютъ, какъ каждый только по одной ногѣ, и увѣривъ въ томъ Нѣмца, отъ него счастливо тѣмъ отдѣлался. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, предъ самымъ

нѣмъ домомъ, гдѣ они жили, случился на проспектѣ живый гусь стоящій на одной ногѣ, поджавшій другую. Поваръ увидя эшо, и дабы болѣе удостовѣрить хозяина своего о особенномъ родѣ одноногихъ гусей, немедленно подозвалъ его къ окну и указывая ему въ оное, говорилъ: «вотъ, сударь, взгляните: этотъ живый гусь есть изъ той самой породы, которой былъ и покойникъ, скушанный вами.» Нѣмецъ будучи видно не вовсе глупъ, тотчасъ догадался стукнуть рукою въ стекло окончины; отъ чего гусь мгновенно опустилъ и другую поджатую свою

ногу. И такъ мусье увидя явный обманъ своего повара, разсердившись на него воскликнулъ. «а, а! пезтельникъ! ти мене обманивать и стеляесъ мене туракъ!... ты видать сто куся два ногъ имѣть, какъ я стушать стекля!» — «Помилуйте, сударь, (отвѣчалъ ему поваръ), я во все не думалъ васъ обманывать, но вольно же вамъ было не постучать и жареному одноногому гусю, у котораго, можетъ быть, такъ же выросла бы въ минуту другая нога.»

В. Щ—въ.

МЕЧТЫ

НА БЕРЕГАХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Спѣшитъ ужъ солнце утопать
Въ морскія волны; и лучами
Оно прощается ужь съ нами....
Мы съ нимъ увидимся опять.
Вотъ закатилось.... слѣдъ багровый
Еще на западѣ горитъ,
На черныхъ крыльяхъ ночь спѣшитъ
Одѣть весь міръ одеждой новой.

У моря здѣсь волна волну
Какъ быстро гонитъ за собою
Кипитъ.... и пѣною сѣдою
Вверхъ брызжетъ съ шумомъ на скалу,
Я здѣсь одинъ на берегу,
Ко мнѣ лишь брызги долетаютъ,
Струею влажной орошаютъ
Мою горящую щеку.

Свои мечтанья я ввѣряю
Лишь только плещущимъ волнамъ,
Скалѣ мохнатой, берегамъ,
Ахъ! сладко я, мой другъ, мечтаю!
Какъ берегъ стонетъ отъ волны,
Такъ сердце стонетъ отъ страданій....
Сопутницы очарованій —
Мечты, куда умчались вы?

Я знаю мчитесь вы куда:
Но трудъ вашъ жалокъ и напрасенъ,
Онъ безразсуденъ, онъ ужасенъ,
Не избѣжите вы Суда!

Раздрать завѣсу вы хотите,
Сорвать съ природы всей печать,
Постигнуть все.... васъ удержать
Не въ силахъ я.... куда спѣшите?

Для васъ все въ мірѣ непоняшно:
Кто человѣкъ и отъ кого?
Кто онъ? кѣмъ созданъ? для чего?
За гробомъ что? вамъ знать пріятно!
Вы рветесь, силитесь.... напрасно!
Предъ вами тамъ густая мгла,
Нѣтъ брега морю, безднѣ дна....
Объ этомъ и мечтать ужас но

Людямъ сего не довѣряю,
Но только плещущимъ волнамъ,
Скалѣ мохнатой, берегамъ,
Ахъ! сладко я, мой другъ, мечтаю!

А. Лореницъ.

Одесса.

К Ъ Г — Н У.

Люблю того, кто убѣжалъ
Отъ слабостей завистливаго свѣта,
Кто званіе свободнаго поэта
На громкіе чины не промѣнялъ:
Кто за обиды мстилъ презрѣньемъ,
Кто не былъ дерзостнымъ льстецомъ
Передъ безсмысленнымъ глупцомъ —
Передъ слѣпымъ уничиженьемъ.

Люблю того, кто уступалъ
Враговъ неопытныхъ злословью,
Кто къ другу вѣрному пылалъ
Святою брачною любовью!
Люблю тебя, товарищъ молодой,
Любимецъ Бога и людей;
Я знаю тотъ, не любитъ принужденья
Кто съ пылкою рожденъ душой;
И счастливъ ты въ семъ грозномъ мірѣ:
Тебя не тронетъ злой порокъ
Ты будешъ оглашать свой скромный уголокъ
Свободной пѣснію на лирѣ.

А. В — въ.

Свеаборгъ.

КЛАДБИЩЕ.

(Истинное произшествіе.)

Посвящено П. А. Головинскому.

Съ нами то же, что со цвѣтомъ:
Былъ — и нѣтъ его чрезъ день.

И. И. Дмитріевъ.

Однажды, въ прекрасный Майскій вечеръ, бродилъ я по Волковскому кладбищу. Съ душой осиротѣлой,

глядѣлъ я печально на богатые памятники и бѣдныя могилы. Вездѣ царствовало мертвое молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое веселыми криками маленькихъ дѣтей — бѣгающихъ по могиламъ. Я думалъ, юность вездѣ веселится и вездѣ ей пріятно; она не глядитъ на печальныя мѣста, гдѣ со временемъ и ея прахъ будетъ положенъ.

Я приближался тихими шагами къ одной могилѣ, на которой сидѣлъ старикъ, удрученный лѣтами и украшенный сѣдиною. Почтенный его видъ и глубокая печаль, начертан-

ныя на лицѣ его привлекли мое вниманіе.

«Добрый вечеръ, почтенный старецъ!» сказалъ я ему.

Онъ поднялъ голову и, обративъ глаза свои на меня, отвѣчалъ съ горестною улыбкою: «благодарю покорнѣйше, сударь!» — И снова погрузился въ глубокую думу.

«Позвольте спросить, по какой потерѣ груститъ сердце ваше, чтобъ и я могъ раздѣлить вашу горесть?»

Старикъ вздохнулъ; онъ поднялъ опять свою голову, и обративъ глаза свои на могилу, сказалъ: «проч-

пите, сударь, надпись на памятникѣ — и вы все узнаете.

Я подошелъ къ памятнику, на которомъ представленъ былъ старикъ, облокотившійся на урну, а другою опирающій слёзы. Внизу на бѣлой мраморной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

— Здѣсь покоются съ міромъ, любезная моя супруга *Марія Е.... Ш—ъ* и любезная дочь *Варвара.* —

А на другой сторонѣ двѣ слѣдующія надписи:

Къ супругѣ:

Приду съ душою сокрушенной
Слезами — камень сей облить;
Мнѣ счастья не найти въ вселенной,
Коль могъ я — друга пережить!

Къ дочери:

О Небо! что же мнѣ ты въ радость оставляешь,
Когда и съ дочерью — меня ты разлучаешь?

— Вотъ здѣсь, сказалъ старикъ — лежатъ жена и дочь, которыя одни только были мнѣ радостью въ мірѣ. *Марія* лишилась жизни за четыре года предъ симъ, а дочь, надежда моей старости, скончалась три недѣли назадъ, и Всевышній оставилъ.... — Старикъ не могъ докончить; онъ упалъ на колѣни и, обративъ взоры свои на небо, что-то шепталъ про себя.

«Успѣшься, почтенный старецъ!» сказалъ я ему, едва удержи-

вая слёзы: «неропщите на Провидѣніе! Не одни вы несчастны, въ семъ мірѣ тысяча подобныхъ страдальцевъ; удѣлъ нашъ терпѣніе. Не плачьте о томъ, что уже невозвратимо.»

— Не плачь — сказать легко! Но знать Богу такъ было угодно, и да будетъ Его святая воля! — сказалъ старикъ, подавая мнѣ руку, и приглашая сѣсть возлѣ него. Онъ мнѣ разсказалъ въ коротких словахъ повѣсть своей жизни:

— Я родился въ Ярославлѣ. Отецъ мой богатый мѣщанинъ и имѣлъ у себя трехъ сыновей. Я изъ нихъ

былъ младшій. Проведя молодость свою беззаботно подъ надзоромъ отца, я не видалъ, какъ минуло мнѣ двадцать лѣтъ. Отецъ мой однажды сказалъ мнѣ: пора тебѣ самому искать счастія! — И я, получивъ благословеніе отъ отца и матери, отправился въ дорогу и прибылъ въ Петербургъ. Десять лѣтъ я трудился и нажилъ себѣ небольшое состояніе. Купивъ домикъ, я женился на дочери сосѣда моего, прекрасной осьмнадцатилѣтней дѣвицѣ. Мы съ нею мирно прожили тридцать лѣтъ, и Богъ благословилъ насъ дочерью. Я думалъ вѣкъ свой провести

тихо, спокойно, но Богъ судилъ иначе: въ одинъ годъ лишился я родителей, схоронилъ жену и, къ довершенію моего несчастія, спустя четыре года по смерти жены, лишился я милой дочери. — Старикъ зарыдалъ, взглянулъ на могилу и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, побрелъ въ тихомъ безмолвіи съ кладбища.

Два года послѣ сего я еще встрѣчалъ старика, но недавно узналъ, что и онъ переселился изъ этой жизни въ вѣчную, и прахъ его почіетъ тамъ, гдѣ жена и дочь. Часто въ лѣтніе вечера, гуляя по

кладбищу, я посѣщаю ихъ могилы, и слезы печали катятся невольно по моему лицу. Я думаю, что и насъ ждетъ такая же участь, и рано, поздно ли, мы будемъ вѣрною добычею могилы.

Люди! люди! для чего вы гордитесь своимъ богатствомъ, за чѣмъ мало снисходительны къ подобнымъ себѣ, за чѣмъ пренебрегаете бѣдныхъ? Знайте, что мы здѣсь не вѣчны: наше богатство, наши титулы, насъ самихъ — все возьметъ могила!

А. Грекъ.

1831.

ВЪ ПАМЯТЬ ВЕНЕВИТИНОВУ.

Чудесный жребій пѣснопѣнья
Младую жизнь его вѣнчалъ,
И долней жизни огорченья
Небеснымъ свѣтомъ прояснялъ.
Любилъ онъ чары вдохновенья,
Его лелѣялъ чудный сонъ,
И свѣтлыя его видѣнья
Невинны были — какъ и онъ.

Объятъ невольною тоскою
Подъ сѣнью кипарисныхъ древъ,
Какъ часто тамъ почной порою
Онъ слушалъ соловья напѣвъ.
Тамъ онъ мечталъ, какъ вдохновенный,
И слышенъ былъ невнятный стонъ....
Его мечты нестоишъ онъ,
Сей свѣтъ, развратомъ упоенный.
Ахъ, рано времени рука
Въ немъ прояснила умъ игривый;
Съ тѣхъ поръ невольная тоска
Терзала духъ самолюбивый
И онъ угасъ въ своей веснѣ!...
Его смапилъ незримый геній
Толпой привѣтливыхъ видѣній
Къ своей надзвѣздной вышинѣ.
На землю брошенный судьбою
Онъ музѣ жизнь свою дарилъ,
И испитворною мечтою
Вѣнецъ безсмертія купилъ.

У рощи, гдѣ его гробница
Я видѣлъ, утренней порой
Поетъ пернатая пѣвица
И плачетъ другъ его младой.

А. П.

ЖЕНСКІЯ СЛЕЗЫ.

Не всѣмъ въ укоръ я женщинамъ скажу,
Онѣ безъ умолку напрасно часто плачутъ
Подъ маскою любви мужчинъ подъ часъ дурачутъ,
О тѣхъ слезахъ я право не тужу.
Но если дѣва молодая
Въ порывѣ пламенныхъ страстей,
И безъ слезы въ любви рыдая
Льетъ яркій пламень изъ очей,

И имъ всю душу обнимаетъ,
Тогда душа моя страдаетъ,
Тогда и я зальюсь слезой
О страстной дѣвѣ, молодой.

Н. С.

ИЗЪ ГЕЙЕРА.

Какъ сладко въ поздніе часы
Бродить въ мѣстахъ уединенья,
И созерцать твои красы,
Природа, матерь вдохновенья!
Внимать напѣвамъ соловья,
Подъ кровомъ ночи молчаливой
И, улетая въ міръ счастливой,
Заснуть у тихаго ручья!

Съ Шведскаго А. Грен.

РУЧЕЕКЪ.

Ручеёкъ! ты служишь для насъ урокомъ!... Теченіе твое есть образъ человѣческой жизни: подобно тебѣ мы раждаемся, сами не зная для чего.... Разнообразныя игры забавляютъ насъ въ продолженіи дѣтства: скоро желанія наши умножаются; но увы! по большей части

усилія, къ достиженію чего-либо желаемаго, остаются пищетными!... Правда, любовь и дружба являются иногда для украшенія бытія нашего; но ихъ появленіе продолжается одну только минуту; и — въ самое то время, когда воображаемъ, что уже достигли совершеннаго счастія, непостигаемое могущество располагаетъ теченіемъ нашимъ: мы поглощаемся въ неизмѣримой пропасти....

В. Щ — въ.

КЪ Ш.....

Быстро время исчезаетъ
Счастье смертными играетъ,
Юныхъ лѣтъ пройдетъ пора;
Съ красотой весны привѣтной
Намъ измѣнитъ непримѣтно
И страстей младыхъ игра, —
Не надолго, другъ безцѣнный
Счастья жребій сокровенный
Насъ лелѣетъ въ цвѣтѣ лѣтъ.

Ахъ, давноль ты былъ корнетъ,
Ахъ, давно ли усъ кудрявый
Ты безпечно распрявлялъ,
Для красавицъ былъ забавой
И забавъ онъ ихъ искалъ.
Ропотъ сердца не тревожилъ
Твой гусарскій вѣкъ, златой;
Но ты вѣкъ гусарскій прожилъ
И сдружился съ сѣдиной.
Рано ты оставилъ радость
Вѣрныхъ рыцарей побѣдъ,
Пролетѣла шпичка младость
А любви и слѣда нѣтъ,
Купидонъ вспорхнулъ крылатый,
Что жъ въ замѣну сей утраты
Намъ сулитъ коварный свѣтъ?
Чашу горестей и бѣдъ.

Н. С.

ЭПИГРАММА.

Клитъ никому не подражаетъ,
Клитъ чародѣй, онъ знаетъ все,
Лишь одного напъ Клитъ не знаетъ,
Что онъ — не знаетъ ничего.

Н. С.

ТРИ СЛУЧАЯ ВЪ ЖИЗНИ.

(Аллегорія.)

Я помню *когда-то* въ свѣтлыя и печальныя дни моей юности посковалъ я на оплогихъ и шумныхъ берегахъ Чернаго моря. Сердце мое было полно чего-то таинственнаго и неземнаго; я жилъ на землѣ ве-

щественнымъ, а духовная часть моей жизни — была въ лучшемъ мірѣ. Я былъ погда одинъ, никто не тревожилъ возвышенныхъ думъ моихъ и счастіе мое заключалось во мнѣ самомъ. Время это прошло, какъ проходитъ все въ мірѣ нашемъ, ибо на непреложныхъ законахъ природы основано, что всякое начало должно имѣть свой конецъ.

Я помню, тому назадъ два года, какъ гордыя юношескія мечты мои лилеяли бурныя воды великана Саймы. Я полюбилъ древнюю отчизну Скандинавовъ не потому, что она моя родина, но потому что она страна

моего сердца. Гдѣ, какъ не въ странѣ дикой и пустынной, человѣкъ находитъ болѣе отрады и спокойствія? Это непреложная истина, которую опровергнуть никто не можетъ.

Нынѣ, когда юная Муза моя, осуществившись въ прекрасной и доброй подругѣ жизни — душа моя нашла новое спокойствіе въ тихомъ, семейномъ быту. Я былъ бы совершенно счастливъ, ежели бы иногда не тревожили меня вещественныя непріятности жизни: *плохія обстоятельства въ карманѣ!*

А. Грен.

ЧУМАКИ.

Налегъ туманъ ужъ надъ водою
Далеко тянется въ степи;
И волны шепчутся съ скалою,
И воетъ сѣрый волкъ въ глуши.
Ни звѣздочка не заблеститъ,
На небѣ тучами одѣтомъ;
Ни огнь блудящій не горитъ
Обманчивымъ и тусклымъ свѣтомъ.

Здѣсь близь кургана, гдѣ дорога,
Остановились чумаки....
Они бѣдны, судьба къ нимъ сурога,
Смиренной нищеты сыны....
Они спятъ на землѣ сырой
Забавъ и роскоши не знаютъ;
Но подъ часъ праздною порой
Въ корчмѣ сивуху попиваютъ.

Казакъ собравши, разкладаютъ
Огонь, подъ кашею своей,
И ложкой длинною мѣшаютъ
И ужинаютъ всѣ поляой.
Чуть свѣтъ; ужъ ѣдутъ снова въ путь,
Идетъ съ нихъ всякой за возами,
И пѣсни звучныя поютъ
Малороссійскими словами.

Ты думаешъ они несчастны,
Что жалокъ бѣдный ихъ удѣлъ,

Что дни ихъ мрачны и ненастны,
Что въ нихъ всякъ счастья не узрѣлъ.
Не правда — онъ всегда покоенъ —
Онъ любитъ нищету свою,
Чумакъ всѣмъ веселъ, всѣмъ доволенъ,
И не клянетъ свою судьбу.

Такъ знай, не все то злато въ мірѣ,
Что только суетно блеститъ,
Какъ часто Царь въ златой порфирѣ
Украдкой плачетъ и груститъ.
Любовь и дружество скорѣй
Живутъ въ землянкахъ съ бѣдняками,
Чѣмъ у надменныхъ богачей
Въ палатахъ шумныхъ за пирами.

Надъ богачемъ и по кончинѣ
Хотятъ пищеславіемъ блистать,
Надъ бѣднякомъ въ сырой могилѣ
Не будутъ мрамора вздвигать.

И всѣ подъ тяжкою землей,
Лежать мы будемъ вѣчно въ гробѣ,
Кропимы дружескива слезой,
Поживъ — отдали долгъ природѣ.

А. Лорени.

Одесса.

РАЗМОЛВКА.

Нѣтъ! обольстительныхъ сѣтей
Не разставляй ты для поэта,
Не жди на взоръ твой въ вѣкъ отвѣта
Души возвышенной моей!
Въ ней пламенѣетъ искра Бога,
А не пожаръ любви земной,
И знай, что мнѣ въ любви святой
Открыта не тобой дорога!

Но если изъ моихъ очей
Слеза на грудь твою скатилась,
То вѣрь, она ужь возвратилась
Во глубину души моей.
Такъ лѣтнимъ вечеромъ роса
Съ небесъ на землю ниспадаетъ:
Но при денницѣ въ небеса
Вновь невидимо улѣтаетъ.

Н. С.

ДОБРАЯ ДОЧЬ,

или

ЧЕРТЫ ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

(Истинное.)

Посвящено моей доброй матери: Е. А. Крыловской.

I.

Жизнь наша *тамъ*, а здѣсь — страданье,
Душа тоскуетъ на землѣ.

Т.

Въ 36-ти верстахъ отъ нашей Сѣверной Пальмиры, на живописномъ и песчаномъ берегу Финскаго залива,

въ полуверстѣ отъ скромнаго и уединеннаго городка Оранiенбаума, стоитъ дикiй деревянный домикъ съ зелеными ставнями. Небольшой садикъ, огородъ и нѣкоторыя другiя домашнiя пристройки — дѣлали жилище сiе пріятнымъ и спокойнымъ. Этотъ домъ принадлежалъ когда-то, почтенному смотрителю, Андрею Ивановичу Доброхотову, вѣрному служаки Государю и Отечеству, доброму супругу и попечительному отцу семейства. — Онъ жилъ здѣсь съ супругою своею Марьею Петровною, благородною, скромною сорока лѣтнею дамою и рачительною хозяйкою. При

нихъ было трое дочерей: Вѣра, Надежда и Любовь, и между ними, какъ ветеранъ, жилъ поживалъ ихъ дѣдушка, съ матерней стороны, девяносто-лѣтній маститый старецъ, Григорій Петровичъ, украшенный сѣдиною и достоинствами истинно добраго человѣка. Патріархальныя дни свои онъ велъ по обыкновенію людей прошедшаго вѣка: вставалъ рано, ложился спать въ 9 часовъ. Въ Воскресныя дни онъ наряжался въ свой старинный, заслуженный прежнею службою, сюртукъ, и вмѣстѣ съ милыми внучками, изъ которыхъ онъ болѣе любилъ Вѣру,

отправлялся въ церковь. Вечеромъ обыкновенно собирались въ кругъ его дѣти и онъ разсказывалъ имъ старинныя преданія; внушалъ имъ все прекрасное и доброе, и подъ часъ училъ закону Божіему и Русской грамотѣ. Остальное въ воспитаніи малюпокъ довѣрила природа — лучшая наставница людей. Въ свободное же время онъ вмѣстѣ съ дочерью своею Марьею Петровною осматривалъ хозяйство, дѣлалъ нужныя въ оной перемѣны — и былъ въ это время настоящій хозяинъ хлопотунъ. Андрей же Ивановичь имѣя большія занятія по службѣ не вхо-

дилъ ни въ какія распоряженія, а соблюдалъ только строгую дисциплину между домашними.

Время бѣжитъ; малютки дѣти стали подрастать. Старшей дочери, Надеждѣ Андрѣевнѣ, минуло пятнадцать лѣтъ. Эта дѣвица была настоящій зефиръ: она имѣла наружность важную, большіе черные глаза, лице бѣлое, станъ стройный — и на словахъ совершенный поэтъ; средняя, Любовь Андрѣевна, полная, прекрасная брюнетка, вѣчно задумчивая и молчаливая; меньшая же, героиня нашей повѣсти, Вѣра, милая юная блондинка, съ голубыми глазами, каш-

тановые волосы, небрежно въ локонахъ завитые, съ стройнымъ станомъ и кротким характеромъ — была совершенный идеалъ красоты, созданный вдохновеніемъ поэта. Сверхъ сего она была трудолюбива, помогала родителямъ въ домашнихъ заботахъ и милою услужливостью и дѣтскою простотою заставляла всѣхъ любить себя. Почтенный дѣдушка часто смотря на нее говорилъ: Вѣра! Вѣра! милая Вѣра! будешъ доброю дѣвушкою и трудолюбивою хозяйкою, — и плакалъ отъ радости. Проходили дни, мѣсяцы, годы и милое семейство жило

тихо и спокойно, вдали отъ свѣта и людей; зависть и коварство не возмущало прекрасныхъ дней ихъ.

Несчастія близки. Почтенный Андрей Ивановичь, перешелъ за шестьдесятъ лѣтъ—лишился зрѣнія и слуха и бѣдное семейство было неутѣшно. Одна надежда оставалась на Провидѣніе! Всѣми уважаемый и любимый дѣдушка, Григорій Петровичь, при своей глубокой старости потерялъ твердость духа, лишился памяти— и не могъ поддержать свою дочь и прекрасныхъ дѣтей ея ни совѣтами, ни дѣлами. Осталась одна Марья Петровна, заботливая и нѣжная

мать семейства. Эй одной предстояли всѣ нужды, недостатки и непріятности горестной жизни. Домикъ запустѣлъ, все заглохло — повсюду стало дико и пустынно — и горькая бѣдность поселилась въ укромной хижинкѣ. Что дѣлать?—Должно оставить песчаныя берега моря, тихое дѣдовское жилище и переселиться къ свѣтлымъ берегамъ Невы. Петербургъ столица богатства: здѣсь трудъ и усердіе награждается щедро.

Все семейство переѣхало — и поселилось въ одной изъ отдаленныхъ частей столицы. Здѣсь старикъ До-

брохотовъ и бѣдная мать трехъ дочерей, придумывали средство добыть себѣ честное достояніе. Вѣра первая приложила свое усердіе, и трудами рукъ своихъ поддерживала родителей. Надеждѣ же Андрѣевнѣ предстояла надобность ѣхать за четыреста верстъ отъ столицы къ однимъ ближнимъ родственникамъ — и она простившись со всѣми отправилась въ путь. Между тѣмъ не смотря на усердіе и труды въ семействѣ этомъ поселилась бѣдность — ужасная дочь земли.

Вѣрѣ Андрѣевнѣ минуло семнадцать лѣтъ — она своею кротостью

и добродушіемъ заставила всѣхъ любить себя. Многія благородныя семейства приглашали ее и она вездѣ была принята съ хорошей стороны. — Утромъ, одного прекраснаго Майскаго дня, г-жа Л.... прислала просить Вѣру Андрѣевну къ себѣ. Получивъ позволеніе родителей она отправилась въ домъ г-жи Л..., гдѣ и была принята съ искреннимъ радушіемъ. Дѣти г-жи Л.... были рады милой гостьѣ и прилагали всѣ старанія угодить милой дѣвушкѣ. Время бѣжало невидимо въ прогулкѣ за городомъ, въ разговорахъ и другихъ занятіяхъ — наступилъ вечеръ.

Въ девять часовъ растворяется съ шумомъ дверь, вбѣгаетъ блѣдная и съ отчаяннымъ видомъ Любовь Андрѣевна, средняя сестра Вѣры. Никто не зналъ причины такого страннаго прихода ея; г-жа Л.... съ участіемъ подходитъ къ ней, распрашиваетъ, проситъ садиться и принять участіе въ ихъ бесѣдѣ; но она не сходя съ мѣста отвѣчаетъ съ глубокою задумчивостію: «я пришла къ вамъ безъ позволенія маменьки, меня гонятъ отъ всюду.... я останусъ у васъ ночевать.» Сказавъ невнятныя слова сіи, она сѣла на стулъ и впала въ какую-

то мрачную задумчивость. Г-жа Л.... поговоривъ тихо съ Вѣрою Андрѣевною, посовѣтовала сестрѣ ея Любови отправиться къ матери и испросить ея согласія на ночлегъ въ домѣ своемъ. Любовь Андрѣевна отправилась съ провожатымъ домой и прибывъ къ матери, сказала ей со слезами: «маменька! я отлучилась безъ позволенія вашего.... меня всѣ гонятъ.... тамъ на лѣстницѣ стоитъ человѣкъ, онъ хочетъ меня убить.... сосѣди меня не видятъ.... поносятъ всячески.... пустите.... пустите, я не могу здѣсь быть!... Марья Петровна не за-

мѣчая разстройства своей дочери, старалась утѣшить ее: — другъ мой, Любушка!» говорила она; успокойся, кто можетъ обидѣть тебя. Ты никому ничего не сдѣлала; вы ведетѣ себя благородно и честно — я горжусь вами. У сосѣдей же я спрошу по какой причинѣ они тебя ненавидятъ. Теперь ступай съ Богомъ къ г-жѣ Л.... — Съ сими словами она поцѣловала дочь свою и отправила ее къ сей благородной дамѣ. — Г-жа Л.... и все семейство ея — ожидали Любовь Андрѣевну. Съ истиннымъ радушіемъ всѣ старались развлѣчь грусть ея. Вѣра Андрѣевна прило-

жила съ своей стороны все, чтобъ развеселить сестру свою; но старанія всѣхъ были пищетны — она была безмолвна. Приписавъ молчаніе ее какой нибудь особенной грусти всѣ отправились къ покою. Дѣти г-жи Л.... каждая на перерывъ старались дорогихъ гостей своихъ пригласить въ свои спальни.

Ночь. Все покоилось пріятнымъ и тихимъ сномъ. Зажженная лампада отбрасывала свой слабый свѣтъ. Все тихо; лишь маятникъ въ часахъ производилъ однообразный стукъ. Бьетъ полночь. Внезапный крикъ раздался по комнатамъ. Всѣ бѣгутъ,

зажигаютъ свѣчи — и что жъ? Любовь Андрѣевна въ спальнѣ одной изъ дочерей г-жи Л.... сидитъ въ углу, въ лице ея видѣнъ сильной жаръ, съ исступленіемъ бросается она во всѣ стороны и съ воплемъ кричитъ: «здѣсь тоже, что и тамъ.... Отойдите прочь отъ меня.... оставьте меня.... не смѣйтесь надо мною.... нѣтъ, нѣтъ это пройдетъ.... жарко.... душно, голова болитъ.... Вѣрушка!... подойди ко мнѣ... возьми прочь отъ сюда. — Всѣ ужаснулись положенію сестры Вѣры Андрѣевны; никто не зналъ что дѣлать; Вѣра плакала, и рыдала — и видѣла какая

горькая чаша приготовлялась для бѣднаго семейства ихъ. — Долго Любовь всматривалась въ окружающихъ ее — наконецъ узнавъ сестру свою она бросилась къ ней на шею, прижала ее крѣпко къ своему сердцу и съ глубокимъ вздохомъ сказала: «уйдемъ, уйдемъ отъ сюда! Здѣсь душно и страшно мнѣ!..» Вѣра не знала что дѣлать — она сама была безъ памяти.

Семейство г-жи Л.... остальную часть ночи провело у больной; приложены были всѣ средства, дабы успокоить страждущую, но она оставалась въ прежнемъ положеніи. Утромъ рано былъ пригошовленъ

экипажъ, и больная вмѣстѣ съ отчаянною и плачущею сестрою была отправлена къ матери.

II.

Несчастія не приходятъ по одиначкѣ, а цѣлою толпой.

Шекспиръ.

На Козьемъ болотѣ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, рано утромъ, когда еще роскошь и богатство, послѣ тревогъ и волненій прошлаго дня, нѣжилось на пышныхъ ложахъ — бѣдность и трудо-

любіе пробуждалось. Въ одной изъ хижинъ теплилась лампадка предъ образомъ Св. Дѣвы и Предвѣчнаго Младенца. Трудолюбивая мать Марья Петровна, съ усердіемъ и вѣрою молилась Вездѣсущему о низспосланіи спокойствія и здоровья ся семейству. — За перегородкою небольшой комнатки лежалъ больной сто семнадцати-лѣтній старецъ, Григорій Петровичъ, и спалъ. Отецъ семейства, Андрей Ивановичъ Доброхотовъ, лишенный зрѣнія и слуха, сидѣлъ на небольшихъ старинныхъ креслахъ и что-то шептал про себя. Во всемъ домѣ цар-

ствовала тишина. Къ воротамъ подъѣхала карета, отворяются двери комнатки и входитъ съ отчаяннымъ видомъ и со слезами на глазахъ добрая Вѣра, поддерживая вмѣстѣ съ лакеемъ больную сестру свою. Увидѣвъ мать свою она бросилась къ ней на шею, хотѣла что-то сказать и горько зарыдала. Марья Петровна не зная ничего происходившагося, старалась успокоить дочь свою и спрашивала: что все это значитъ? — «Маменька! милая маменька! взгляните на сестрицу, она лишилась разсудка!» едва внятнымъ голосомъ она проговорила. Какъ гро-

момъ пораженная, стояла Марья Петровна, вперивъ глаза свои на сидѣвшую у стола Любовь. Она не смѣла вѣрить слышанному и подойдя къ несчастной дочери своей, хотѣла взять ее за руку, но та съ воплемъ отскочила отъ нее и дикимъ голосомъ вскричала: «эй старуха! не подходи ко мнѣ, не подходи!» потомъ подозвавъ къ себѣ Вѣру — что-то говорила ей. Марья Петровна съ отчаянія бросилась въ постель, пришедши же въ чувство поспѣшно вышла изъ дому — отыскивать Медпка.

Дѣдушка Григорій Петровичь лежа за перегородкою въ постелѣ подозвалъ къ себѣ Вѣрушку и спрашивалъ: что происходитъ въ сосѣдней комнатѣ; добрая внучка старалась успокоить почтеннаго старца, объяснивъ что сестра Любовь не такъ-то здорова; но когда возвратилась Марья Петровна, а за нею слѣдомъ вошелъ Докторъ и, когда поднялся дикій, неистовый крикъ и невнятный вопль Любови — онъ понялъ все несчастіе и страданія роднаго семейства. Дни его постепенно стали угасать и онъ занемогъ отчаянно. Андрей же Ивановичъ —

не видя и не слыша ничего — долго не зналъ о несчастіи дочери своей: но чувствуя какую-то перемену въ домѣ — началъ спрашивать о случившемся и послѣ долгаго времени ему наконецъ открыли о горестномъ положеніи Любови. Доброхотовъ не перенесъ сего несчастія, онъ также отчаянно заболѣлъ. Надо было видѣть картину бѣдственнаго положенія семейства. Несчастіе казалось поселилось въ этой укромной хижинѣ.

А Вѣра, наша добрая Вѣра не имѣла спокойствія ни минуты: одному подавала лекарства, другому

питье, за трепьимъ присматривала.

Состояніе Марьи Петровны было самое бѣдственное: маленькій пенсіонъ Андрея Ивановича не могъ прикрыть всѣхъ расходовъ. Нищета царствовала въ домѣ; но свѣтъ не безъ добрыхъ людей; нашлись благотворители и по возможности облегчали горькую участь ихъ. Вѣра занималась рукодѣльемъ: ея труды, признанныя за совершенныя, были покупаемы многими знатными особами — и нѣкоторыя рукодѣлія представлены въ Домъ Трудолюбія, откуда по хо-

датайству благотворителей, получила она пристойное награжденіе.

Прошло много, много времяни и наконецъ престарѣлый Григорій Петровичь отдалъ дань природѣ. Онъ умеръ на сто семнадцатомъ году отъ рожденія. Прахъ его погребенъ на Смоленскомъ полѣ. Видя печальную картину сію Любовь Андрѣевна лишилась совершенно разсудка. — Послѣ всего этого возвратилась съ поѣздки своей Надежда Андрѣевна — и приняла на себя управленіе хозяйствомъ. Чрезъ годъ переселился въ вѣчность и добрый старикъ Доброхотовъ.

Когда вы гуляли на Смоленскомъ кладбище, то можетъ быть встрѣчали, два простыя крѣста, осѣненныя тремя березами. Ихъ можно скоро замѣтить: — дружно, какъ два друга, они прикрываютъ могилы двухъ почтенныхъ людей. Посмотрите, они киваютъ вамъ своими головками, и какъ будто говорятъ о тлѣнности всего мірскаго. Мало для васъ этого, взгляните на почтенную даму съ двумя прекрасными малютками, съ сыномъ и дочерью, лѣтъ по десяти, — и тогда не сомнѣвайтесь, что здѣсь могила Доброхотовыхъ.

III.

И міръ превратился въ роскошный чертогъ,
И въ нервахъ раскинулись розы;
И въ сердцѣ зажегся попухшій восторгъ,
И сладкія канули слезы.

П. Ершовъ.

И въ самомъ счастіи — насъ постигаетъ иногда горе. Это испытаніе судьбы!

Аттербомъ.

На паперти одной изъ столичныхъ церквей толпился народъ. Говоръ и глухой шумъ распространялся въ веселой толпѣ; при стукѣ каждаго приближающагося экипажа народъ бросался на встрѣчу, и бывъ обманутъ въ ожиданіи своемъ — снова

предавался веселью и смѣху. Подъѣзжаетъ карета: благородный, видный, лѣтъ тридцати пяти мужчина, поддерживая милую, прелестную, какъ Майское утро, дѣвушку, выходитъ изъ экипажа. Вошли въ церковь, начался священный обрядъ. Это свадьба нашей доброй Вѣры Андрѣевны съ Александромъ Дмитріевичемъ Добродушинымъ.

Надо знать: что послѣ смерти почтенныхъ людей, г-жа Доброхотова, жила уединенно и скромно въ старомъ жилищѣ своемъ. Двѣ дочери ея, Надежда и Вѣра, часто посѣщали многія благородныя семейства,

гдѣ были принимаемы съ истиннымъ родственнымъ радушіемъ. Здѣсь-то они имѣли случай бывать въ театрахъ, балахъ и семейныхъ собраніяхъ, на которыхъ Вѣра была всегда тиха, скромна и часто предпочитала жилище бѣдной матери шумнымъ собраніямъ большаго свѣта. Многія молодыя люди искали руки ея, но она всегда отказывала, говоря: что не желаетъ оставить старушку мать свою съ больною сестрою.

Такъ прошло три года; явился Александръ Дмитріевичь Добродушинъ, милой, добрый человѣкъ, отецъ трехъ прекрасныхъ дѣтей,

отъ первой жены. Онъ искалъ мать премъ сиротамъ своимъ и предложилъ руку свою Вѣрѣ. Г-жа Доброхотова благословила дочь свою, и наша Вѣра вышла за-мужъ.

Съ истинною материнскою любовію и добродушіемъ она приняла на свое попеченіе дѣтей мужа своего. Два мальчика и дѣвушка — любили и почитали ее, какъ родную мать. Одинъ изъ нихъ былъ болѣнъ, она приложила все стараніе свое, дабы излѣчить его отъ тяжкаго недуга. Старшаго пасынка своего, она съ согласія Александра Дмитріевича, опредѣлила въ одно изъ учебныхъ

заведеній за 700 верстъ отъ столицы — и когда пришло ему время ѣхать родители благословивъ его, проводили до дилижанса и со слезами и горестію отправили въ путь.

Оба супруга жили въ тишинѣ и согласіи. Богъ благословилъ ихъ союзъ двумя малютками. Время текло счастливо для нихъ; ни зависть, ни коварство злыхъ людей; ни сплетни негодныхъ воркуній, старающихъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла, не тревожили спокойной ихъ жизни.

Но и въ самомъ счастіи встрѣчаются печали и горести, мужъ Вѣры Андрѣевны, долженъ былъ на

долгое время, по дѣламъ службы, отправиться въ далекій путь. Они разстались — и Вѣра Андрѣевна съ своими малютками опять переселилась къ своей матери. Въ это время падчерица ея вышла за-мужъ.

Однажды въ Октябрѣ мѣсяцѣ въ 7 часовъ утра, когда еще все семейство спало пріятнымъ сномъ, сдѣлался пожаръ въ ихъ домѣ. Шумъ, говоръ, суматоха, крикъ, плачь, стонъ — все совокупилось вмѣстѣ. Г-жа Доброхотова и Вѣра бросаются безъ памяти, сами незная куда. Весь домъ обхваченъ пламенемъ; случившійся въ это время ихъ одинъ

родственникъ, не потерявъ присудствія духа, схватываетъ топоръ, выламываетъ окно, и всѣ спасаются. Не стану описывать всѣхъ ужасовъ— это былъ Везувій низвергающій пламень. — Вечеромъ были найдены дѣти Вѣры въ домѣ г-жи Ш. . . . , куда и все несчастное семейство собралось.

На другой день собрали все оставшееся отъ пожара имущество, наняли первую попавшуюся квартиру и поселились кое какъ. Нашлись истинно добрыя люди, которыя вошли въ горестное положеніе семейства Доброхотовыхъ, сдѣлали значительное благодѣяніе бѣдной матери

двухъ малюпокъ — и образъ ихъ жизни принялъ прежній порядокъ.

IV.

Провидѣніе испытавъ терпѣніе наше:
посылаетъ спокойствіе и радость.
Ж. Ж. Руссо.

И счастіе въ матерѣ своей онъ нашелъ,
И Неба на него сошло благословенье,
И цѣлый вѣкъ его подобился веснѣ,
Цвѣтущей въ радости и въ мирной тишинѣ.
Мещерскій.

Къ Московской заставѣ подъѣхала ямская тройка. Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, съ безпечностію младенца, разсматривалъ встрѣчаю-

щіяся ему предметы. Онъ вспоминалъ прошедшее, возрастъ золотаго дѣтства, проведеннаго имъ на свѣтлыхъ берегахъ Невы. Слезы канули на блѣдное лице юноши, когда повозка подъѣхала къ крыльцу одного небольшаго домика. Здѣсь жило все родное, милое и драгоцѣнное сердцу его. Выпрыгнувъ съ повозки, онъ бросился въ комнаты, гдѣ и очутился въ объятіяхъ Вѣры Андрѣевны. Это былъ пасынокъ ея, Валерій, окончившій курсъ въ одномъ изъ Московскихъ учебныхъ заведеній и возвратившійся на родину. Онъ узналъ мать свою не смотря на блѣдность

лица ея. Все показывало, что она испытала много горя. «Маменька! вы ли это?» — спросилъ со слезами юноша и снова бросился въ объятія ея. — Старушка Доброхотова, такжe прибѣжала обнять своего внука; малютки, дѣти Вѣры Андрѣевны, съ свѣтлою радостію ласкались и толпились вкругъ дорогаго гостя. Вѣра Андрѣевна не могла наглядѣться на милыя черты своего сына — и отъ удовольствія не знала что дѣлать. Разсказамъ и распросамъ не было конца.

На другой день Валерій отправился съ такъ называемыми *визи-*

тами къ своимъ знакомымъ. Вездѣ встрѣчало его: тяжкая холодность, неумѣренная церемонія, распросы: что онъ будетъ дѣлать въ столицѣ? и тому подобное. Не было вовсе чистой и искренней радости, родственной дружбы — все пахло могильнымъ холодомъ. Съ горестью воротился онъ въ жилище своей доброй матери, гдѣ душа его находила спокойствіе и радость. Въ объятіяхъ матери онъ забывалъ людей, весь міръ и былъ совершенно счастливъ.

Чрезъ нѣкоторое время Валерій вступилъ въ статскую службу и

пріискалъ частное мѣсто, гдѣ трудами рукъ своихъ добывалъ небольшую помощь для доброй матери своей. Три года все шло хорошо, всѣ были счастливы: но излишнія и изнурительныя занятія ослабили силы Валерія. — Вѣра Андрѣевна видя изнеможеніе сына своего, выхлопотала тайно чрезъ благотворителей, лучшее и спокойное мѣсто. —

«Сынъ мой!» сказала она однажды,— «я хочу составить тебѣ счастіе. Я хочу, дабы ты получилъ посредствомъ трудовъ, которыя необходимо нужны во всякомъ случаѣ, лучшую и спокойнѣйшую участь. Надо

думать о будущемъ; вотъ тебѣ деньги, собранныя мною отъ благодѣтелей малютокъ моихъ, употреби ихъ въ свою пользу, и когда Богъ благословитъ тебя, тогда вѣрно ты не забудешь и тѣхъ, которыя устроили начало твоего счастія.» —

«Милая маменька!» со слезами на глазахъ отвѣчалъ Валерій, «чѣмъ могу я возблагодарить васъ за тѣ благодѣянія, которыя вы дѣлаете сыну. Хорошо, ежели Богъ благословитъ меня; а ежели не будетъ успѣха, я истрачу ваше послѣднее состояніе, и залогомъ не могу ничего оставить, кро-

мѣ души и пѣла, вѣрныя только до завтрашняго дня!»

«Молись Небесному отцу,» сказала Вѣра Андрѣвна! «никто какъ Богъ. Ступай — и приступи къ началу — я благословляю тебя.»

Труды принесли желаемый плодъ. Валерій чрезъ посредство матери и благотворителей, зажилъ своимъ домомъ. Въ кругу Вѣры Андрѣевны и двухъ прекрасныхъ ея малютокъ, онъ и нынѣ живетъ спокойно и счастливо. Г-жа Добродушина также счастлива, она достигла чего желала — она составила счастіе сыну своему.

Разсматривая постепенно картину сію, человѣкъ чувствительный, будетъ тронутъ несчастіемъ семейства Доброхотовыхъ, и онъ души порадуется нынѣшней спокойной ихъ жизни. Примѣръ материнской любви, упованіе на святой Промыслъ, терпѣніе въ несчастіи и рѣдкое великодушіе Вѣры Андрѣевны къ пасынку ея — есть черта достойная вниманія всякаго добраго человѣка.

В. Крыловскій.

ПУСТЫНЯ.

(А. Е. Грену.)

Забуду ль я, твой мрачный видъ,
Пустыня дикая, жилище вдохновенья,
Гдѣ все величественно спитъ
Подъ тяжкою печатію забвенья?
Въ глушп задумчивой твоей
Все *меланхолика* плѣняетъ,
Его богиня тамъ живетъ
И думой грустною своей
Невольно сердце наполняетъ,
И къ размышленію влечетъ.

Тамъ я любилъ бесѣдовать съ тоскою
И вспоминать протекшія вѣка,
Тамъ думалъ я: такъ, времени рука,
Своею силою, своею быстротою,
Все въ прахъ ничтожный превращаетъ;
И тамъ, гдѣ славы тронъ надменной
Теперь въ величіи спокоенъ,
Быть можетъ тамъ, потомъ нашъ узритъ
Жилище дикости смиренной;
Гдѣ радостно теперь гремитъ
Среди пировъ, веселья ликованье,
Быть можетъ скоро тамъ, угрюмое молчанье,
Могилу радостей печально осѣнитъ!
Такъ думалъ я — и тайная богиня
Моихъ надеждъ и думъ, являлась предо мной:
Съ тѣхъ поръ я полюбилъ душой
Тебя безмолвная пустыня.

А. Вар — овъ.

Свеаборгъ.

КЪ N. N.

Пріѣзжай на пиръ веселый
Вакха сынъ и другъ Харитъ!
Пріѣзжай.... покалъ тяжелый
Для тебя давно налитъ
На столѣ смѣясь стоитъ.
То-то будетъ намъ раздолье,
У меня всего въ привольѣ
Подъ рукою добрыхъ Larъ.

А подъ сѣнію природы
Все плѣняетъ слухъ и взоръ;
Игры, пѣсни, хороводы
И музыки громкій хоръ.
Здѣсь не будешь изгибаться
Предъ надупостью людской,
Я могу тебѣ признаться
Простота — сопутникъ мой!
Что намъ чваниться чинами,
Нѣтъ различья между нами,
Кто полнѣй нальетъ покалъ
Тотъ и князь и генералъ.
Нѣтъ межъ насъ льстецовъ докучныхъ
Съ роемъ грацій неразлучныхъ,
Нѣтъ здѣсь тощихъ волокитъ,
Сплѣтницъ вѣтреныхъ и скучныхъ,
Нѣтъ судей пузатыхъ, тучныхъ,
И воркуній — злыхъ эгидъ.
Удалясь отъ сего свѣта:
Отъ жеманства, эпикета

Мы въ саду подъ шалашомъ
Славно время проведемъ.
Пріѣзжай же братъ дружище
По душѣ лихой гусаръ,
Посмотри мое жилище
Коль пипаешь дружбы жаръ.
Пріѣзжай.... тогда узнаешь
Цѣну жизни городской,
И навѣрно промѣняешь
На деревню городъ свой.

Н. С.

ЗВѢЗДА.

Звѣзда! какъ свѣтло блещешь ты,
Какимъ величіемъ сіяешь,
На душу мрачныя мечты
И тайный трепетъ насылаешь.

Я на тебя, звѣзда, гляжу
Порой съ нелѣпою тоскою,
И очарованный мечтою
Въ душѣ все прежнее бужу.

И мнѣ привѣтенъ образъ твой,
Какъ для страдальца упованье.
Свѣти звѣзда, твое сіянье —
Врачуетъ духъ печальный мой.

А. Левицкій.

УЖАСНОЕ СВИДАНІЕ.

(Истинный анекдотъ.)

Мы ищемъ радостей,
А горести встрѣчаемъ.
А. Г—нъ.

«Какъ я радъ,» говорилъ графъ ***Рансе*** своему другу: «что могу наконецъ видѣться съ баронессою ***Монтбезонъ***. Еще на прошлой недѣлѣ при-

гласила она меня на тайное свиданіе, но проклятая болѣзнь меня не допустила.» — Услышавъ же, что пробило восемъ часовъ вечера, приказалъ закладывать экипажъ, и съ примѣтнымъ смущеніемъ отправился къ баронессѣ.

Городъ, въ которомъ жила она, отстоялъ отъ его помѣстья не болѣе двухъ миль, и графъ надѣялся чрезъ часъ увидѣть обожаемую имъ *Монтбезонъ*.

Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ въ городъ, и разгоряченный своею любовію спѣшитъ къ баронессѣ. Вотъ уже тайно приближается къ ея дому,

входитъ по лѣстницѣ и мечтаетъ уже быть въ ея объятіяхъ. — «Все тихо» — говоритъ графъ: «и видно она подъ разными предлогами разослала своихъ служителей и теперь ожидаетъ меня.» Проходитъ чрезъ длинный рядъ комнатъ и съ трепетомъ стучится въ дверь ея спальни; но никто ему не отвѣчаетъ! «Какъ — думалъ онъ, неужели она меня обманула? Но нѣтъ, этаго быть не можетъ,» и осторожно поворачиваетъ замокъ.

Каковъ же былъ ужасъ его, когда вмѣсто мягкаго ложа, представился испуганнымъ взорамъ его черный

гробъ? — Сначала мыслитъ онъ, что съ нимъ сыграли шутку; но приближившись къ гробу, видитъ въ немъ трупъ своей возлюбленной.— Сей скорый переходъ отъ радости къ печали, сколь сильно подѣйствовалъ на графа, что онъ чрезъ короткое время постригся въ монахи.

Потомъ узналъ онъ, что баронесса за три дня до сего свиданія занемогла оспой, и чрезъ три дня переселилась въ вѣчную обитель.

Н. Курута.

СЛЕЗА.

Слеза, горючая слеза!
Поnокъ души, очей краса!
Не ты ль смягчаешь гнѣвъ фортуны,
Миришь несчастнаго съ судьбой,
Не ты ль кропишь живыя струны
Чудесной арфы неземной.
Когда твой токъ по ней польется
Душа во звукахъ отзовется;

По струнамъ пламя пробѣжитъ;
И пѣснь сладчайшая свободы
Какъ слово вѣчное природы
Міръ громомъ славы оглушитъ.

Н. С.

ЭКСПРОМТЪ.

Вы мнѣ сказали не шутя,
Что я такъ молодъ, какъ дитя,
И съ вами я на то согласенъ;
Сердечный путь мой безопасенъ:
Я все обдѣлаю шутя.

Н. С.

СУХАЧЕВУ.

(Въ Одессу.)

Прошли надежды — лучшихъ лѣтъ,
Прошли лѣта очарованья,
И я, товарищъ! въ шумный свѣтъ,
Смотрю безъ всякаго вниманья;
Я часто тамъ — съ моей мечтой
Бродилъ безъ цѣли, упѣшенья,
Тамъ все кипѣло суетой,
И жизнь мелькала, какъ видѣнье.

Тамъ юность шумною толпой
Въ безумной негѣ жизнь проводитъ;
Но время — шучей за собой,
Чредой и молодость уводитъ.
Тамъ старость скучная — въ мечтахъ
Прошедши годы вспоминаетъ,
Сидитъ за картами въ рукахъ
И пылку юность проклинаетъ;
Тамъ *зависть* царствуетъ одна,
И бродитъ съ злобнымъ наслажденьемъ:
Всегда заботъ она полна
И ядовитымъ уносьемъ,

Но здѣсь, на Сѣверѣ, мой другъ,
Въ Финляндіи — въ странѣ забытой,
Я позабылъ и теплый Югъ
И чумный край вашъ ядовитой!
Я въ лонѣ мира, въ тишинѣ,
Забылъ о вашей сторонѣ;
Но иногда, повѣрь ты мнѣ,
Слеза невольная катится,

И вздохъ посвященный тебѣ,
Къ тебѣ съ мечтой моею мчится.
Гдѣ ты товарищъ? Милой мой,
Въ какой странѣ ты жизнь проводишь!
Нашелъ ли сладостный покой
Или страдальцемъ грустнымъ бродишь?
Пиши ко мнѣ, пиши въ отвѣтъ,
Я жду его, какъ вдохновенья,
На родинѣ — не зная бѣдъ,
Прочту я дружбы утѣшенье.

А. Грекъ.

Выборгъ.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СЧАСТІЯ.

Какъ счастье къ намъ придетъ,
Нельзя и намъ до счастія добиться
Догадка тѣмъ сія рѣшится:
Слѣпой слѣпаго не найдетъ.

Н. С.

БАЙКАЛЪ.

(Изъ письма къ А. Е. Грену.)

Иркутскъ, 31-го Января 1855.

Байкалъ обыкновенно покрывается льдомъ въ началѣ Декабря мѣсяца, въ половинѣ онаго переходятъ пѣшеходы, а въ концѣ начинаютъ ѣздить въ повозкахъ. Ледъ на немъ

промерзаетъ отъ 4 до 6 четвертей аршина; но не смотря на сію толщину льда, бываютъ въ немъ такія трещины, которыя нерѣдко причиняютъ опасность проѣзжающимъ, и часто утопаютъ въ нихъ лошади. Окрестные жители продолжаютъ ѣздить по льду Байкала до 20-го Апрѣля, а смѣльчаки пускаются и въ началѣ Мая; ибо въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, и не далѣе уже 9-го числа, ледъ обыкновенно расходится. Покрытіе Байкала льдомъ случается иногда и около половины Января, а самый обыкновенный срокъ оному Сибирскіе жи-

пели полагаютъ 6-го Января. Посему и суда Байкала, называемыя *дощениками*, перебѣгаютъ чрезъ него на парусахъ, смотря по погодѣ, иногда позже 10-го числа, а болѣе всего на 6-е Декабря. Впрочемъ замѣчено, что и въ Январѣ 1806 и 1819 годахъ, двѣ небольшія лодки переплыли съ той стороны Байкала на здѣшнюю, не встрѣтивъ ни льдинъ, ниже другой какой опасности; чему способствовала бывшая тогда во всю осень теплая погода съ легкими, по большей части полуденными, вѣтрами. Вообще Байкалъ покрывается льдомъ въ тихую

холодную погоду ранѣе обыкновеннаго и весьма гладко, какъ зеркало; напротивъ въ вѣпренную погоду позже, а притомъ мѣстами негладко и неровно.

Байкалъ въ прежнія времена слылъ озеромъ, а нынѣ называется моремъ; а почему, неизвѣстно. Можетъ быть потому, что онъ весьма обширенъ, неизмѣримой глубины и принимаетъ въ себя множество большихъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, вмѣстю которыхъ выпекаетъ изъ него за 59 верстъ отъ здѣшняго города одна только рѣка *Ангара*. Можетъ быть также и потому, что въ немъ водится

водоземное опкрытаго Океана, по здѣшнему названію *нерпа*, иначе *тюлень* или *ворва;* а сверхъ того ловятся осетры разной величины. Вода въ Байкалѣ чиста, какъ хрусталь, такъ что на пять сажень отъ берега и болѣе можно видѣть дно; она холодна подобно ключевой, и вкусомъ едва ли другая какая можетъ съ нею сравниться.

Съ осени, когда наступаютъ морозы, поднимаются въ самую тихую погоду густые туманы, кои распилаясь по берегу Байкала, потемняютъ солнце, и видны даже отсюда, хотя самый Байкалъ закрытъ

отъ насъ множествомъ горъ и дремучихъ лѣсовъ. Туманы сіи продолжаются до той поры, пока онъ покроется льдомъ. Во время бурныхъ и холодныхъ осеннихъ вѣтровъ, отъ чрезвычайнаго волненія Байкала дѣлаются на той сторонѣ передъ утесами каменныхъ горъ льдяные столпы, по здѣшнему называемые *Сокуяму;* близъ береговъ также наносятся большія громады льду, о кои нерѣдко разбиваются застигнутыя суда. Вешній ледъ изъ Байкала, при полуденныхъ вѣтрахъ, проходитъ иногда въ рѣку *Ангару*, и несется мимо нашего города въ такомъ

множествѣ, какъ бы во время закрытія рѣкъ; но при сѣверныхъ вѣтрахъ онъ не выносится въ рѣку, а изчезаетъ въ самомъ Байкалѣ. Во время замерзанія онаго промышленники, кои въ Сентябрѣ мѣсяцѣ каждаго года уходятъ за Байкалъ для промысла соболей, показываютъ удивительную смѣлость. Когда примѣтятъ они, что надобно всему пространству Байкала покрыться льдомъ, и нѣтъ уже болѣе тумановъ; то, не смотря на тонкость льда, пускаются по немъ пѣшіе, подвязывая къ подошвамъ подковы, называемыя *базлуками*, чтобы ноги

не скользили, и такимъ образомъ переходятъ черезъ все море. Нѣкоторые однако жъ бываютъ и жертвою сей смѣлости. Въ 1809 году, когда также Байкалъ покрылся льдомъ, двое промышленниковъ придумали особый способъ, чтобъ безопаснѣе перейти по льду на здѣшнюю сторону. Они, при легкомъ полуденномъ вѣтрѣ, спали на обыкновенныя лыжи, поставя передъ себя щиты изъ войлоковъ, и взявъ посохи съ желѣзными копьецами для направленія дороги, пустились по гладкому льду на 40 верстъ разстоянія, и совершили путь весьма

скоро и удачно. Притомъ сказывали они, что во время ихъ бѣгу на лыжахъ, ледъ подъ ними во многихъ мѣстахъ трещалъ и гнулся, такъ что никакъ не могъ бы поднять пѣшаго человѣка. Сей примѣръ взять видно съ того, когда на Байкалѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, бывали промыслы *нерпамъ*, которые зимою, вышедъ изъ воды трещинами льда, лежали на немъ. Въ сіе время промышленники подбѣгали къ нимъ на небольшихъ санкахъ подъ парусомъ, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей.

С — съ.

КЪ ДРУГУ.

Угрюмый баловень бездѣлья,
Питомецъ вепренныхъ Цирцей;
Поклонникъ буйнаго веселья
И обольстительныхъ страстей:
Неси дары свои Беллонѣ,
Рубись, коли и побѣждай,
Но не забудь объ Аполлонѣ
И звонкой лиры не бросай.

П — въ.

КЪ ***.

Товарищь-другъ! со дня рожденья
Я въ мірѣ счастья не зналъ,
Никто словами утѣшенья
Меня сирадальца не ласкалъ.

Никто забытаго судьбою
Подъ кровъ пріютный не принялъ;
Бродилъ я въ мірѣ сиротою
И слово: *счастье* не зналъ.

Толпа презрѣнная смѣялась
Надъ жалкой участью моей,
Одна надежда мнѣ осталась
Лить слезы горьки изъ очей.

Хотя ты, товарищь, будь отрадой
Страдальца брата твоего:
За дѣло доброе — въ награду
Пошлетъ Господь — всего, всего!

Н. Гречъ.

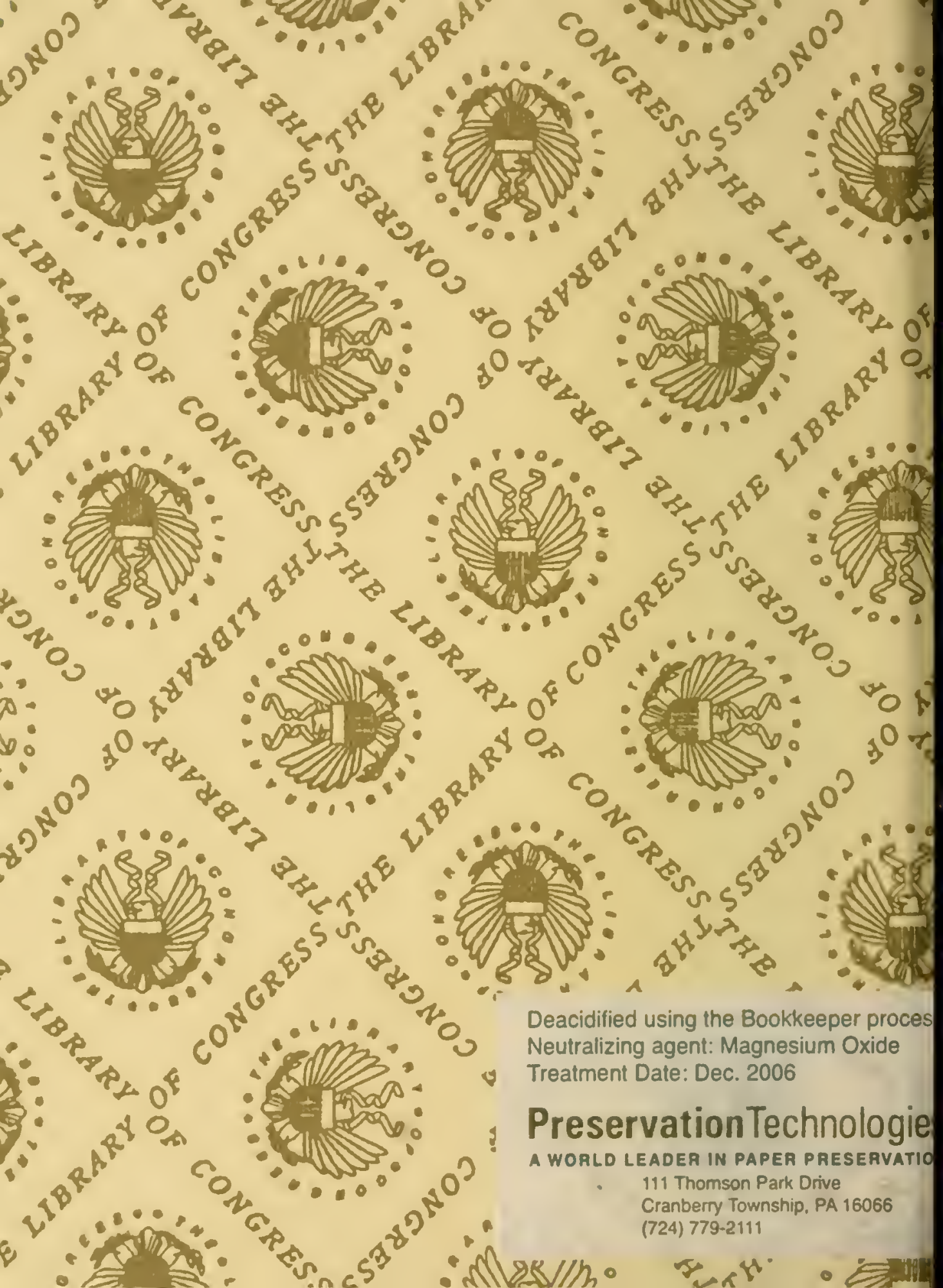
КЪ ***.

Нѣтъ не въ силахъ болѣ я
Быть безмолвнымъ истуканомъ
Спрасть въ груди моей пая
Жизнь мечтательнымъ обманомъ,
Черезъ чуръ ужъ я спыдливъ
Въ обращеньи дружномъ съ вами,
И не кстати молчаливъ,
Согласитесь въ этомъ сами.

Вы вчерашній день со мной
Обращались слишкомъ нѣжно,
Что же, я чудакъ какой
Вашей ручки бѣлоснѣжной
Къ сердцу страстно не прижалъ
И въ томительности сладкой,
Хоть бы разъ одинъ украдкой
Въ щечку васъ поцѣловалъ,
Лишь въ безплодной страсти млѣя
Я споялъ потупя взоръ,
И отъ скромности краснѣя
Посторонній бредилъ вздоръ.
Нѣтъ въ другой разъ я не буду
Скроменъ въ пламени страстей,
Вы удивитеся чуду
Купидоновыхъ затѣй.

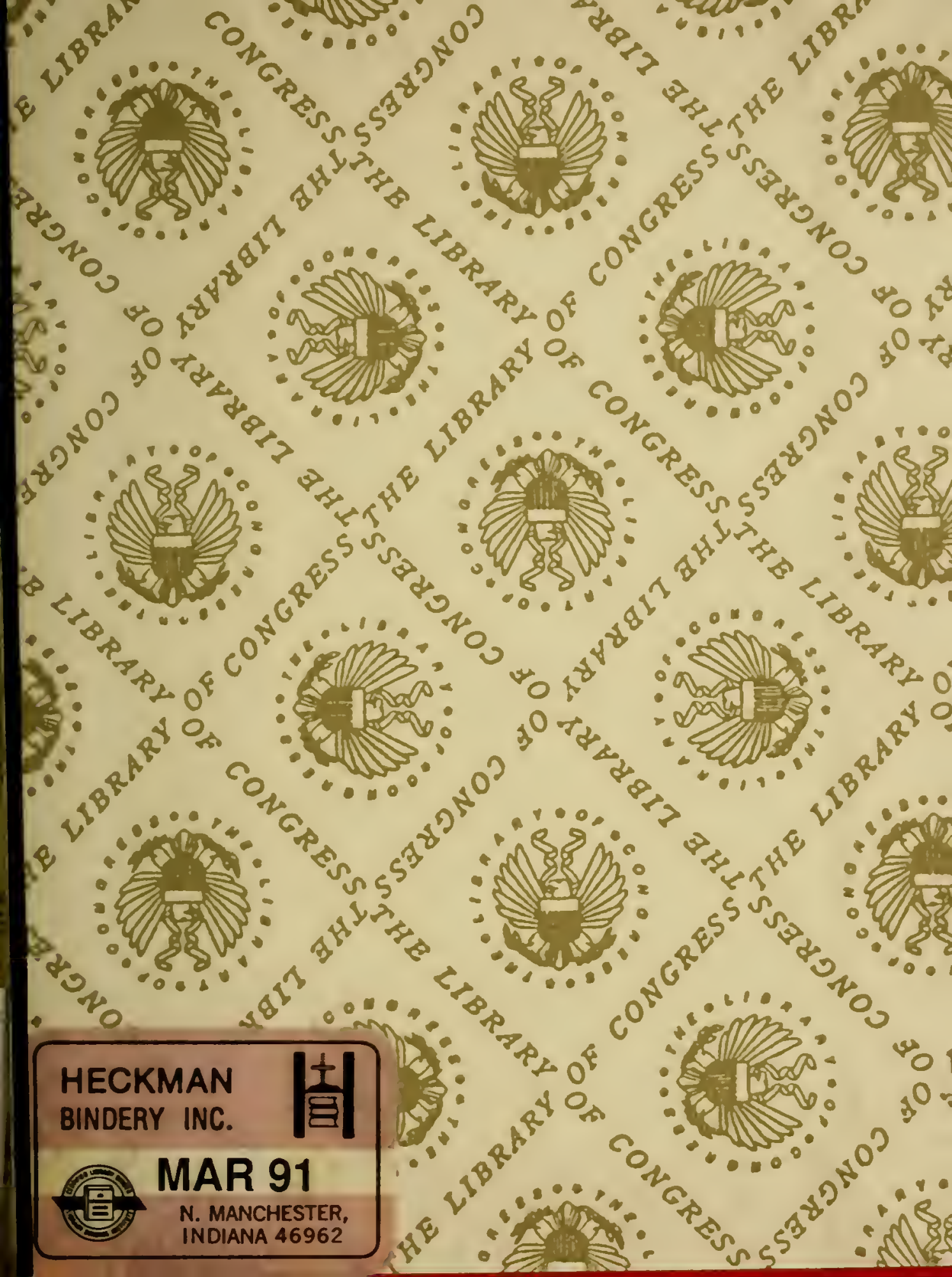
Н. С.

138 91



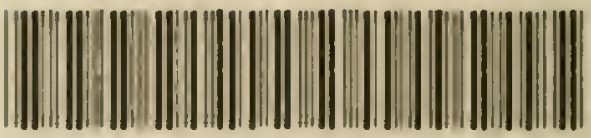
Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111



HECKMAN
BINDERY INC.
MAR 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS



00025335909